

clv

Дженнифер Рис

Гроза
Лонгфильда

clv

Christliche

Literatur-Verbreitung e.V.

Postfach 110135 • 33661 Bielefeld

© английского оригинала 1980 by Jennifer Rees
Название оригинала: The Fire Brand
© русского издания 2000
by CLV · Christliche Literatur-Verbreitung
Postfach 110135 · 33661 Bielefeld
Оформление обложки: Dieter Otten, Gummersbach
Набор: Enns Schrift & Bild, Bielefeld
Типография: Ebner Ulm

ISBN 3-89397-454-7

Содержание

1. Последний шанс	7
2. Жгучая ненависть	18
3. ЧП в Лонгфильде	28
4. Таинственная хижина	37
5. Семь черных котят	46
6. Бомба в церкви	55
7. Над пропастью	63
8. Трагическое происшествие	70
9. Война с Паркером	79
10. Футбольный матч	87
11. Пожар	95
12. Побег	106
13. Конец Джека Джонсона	116

Последний шанс

– Это твой последний шанс, Джек. Если ты его упустишь, то уже никто и ничто не сможет тебя спасти от исправительно-трудовой колонии для малолетних преступников.

Джек, в гордом одиночестве восседавший на заднем сидении автомобиля, не сводил упрямо прищуренных глаз с пухлых белых рук инспектора по делам несовершеннолетних, крепко сжимавших руль. Как же он его ненавидел!

– Этим ты, вообще-то, обязан нашему начальнику отдела, – продолжал между тем господин Льюис. – Он решил – не скрою, вопреки моему совету – дать тебе еще один, последний шанс и найти для тебя новых приемных родителей.

«Когда-нибудь я до тебя обязательно доберусь. Я убью тебя, но делать буду это медленно, чтобы ты дольше помучился. У некоторых ребят порядочные инспектора. Мне же, как на зло, достался именно ты. Ты ведь меня всегда ненавидел, с того самого момента, как я укусил тебя за палец, когда был еще совсем маленьким. Сегодня, будь у меня такая возможность, я бы откусил его тебе подчистую.»

– Ты вел себя, как последний негодяй и мошенник, – продолжал свой монолог инспектор, которого, казалось бы, судьба Джека должна была вол-

новать как никого другого. – Несмотря на то, что тебя уже не раз ловили на воровстве и порче чужого имущества, сейчас тебе предоставляется еще одна возможность начать жизнь заново, в деревне, где никто тебя не знает. Тебе, малец, просто невероятно повезло.

«Ну и загнул! – подумал Джек. – Все просто ненавидят меня и только мечтают о том, как бы поскорее от меня избавиться. А этот толкует, что мне невероятно повезло!»

– Семья, согласившаяся взять тебя к себе на воспитание, – продолжал между тем господин Льюис, – уже достигла впечатляющих результатов в работе с трудновоспитуемыми подростками, да и живут они довольно уединенно, далеко от крупно-населенных пунктов, что является немалым преимуществом.

Джек не сводил злобно прищуренных глаз с его рук.

«Ну что ж, тогда они скоро пожалеют о том, что вообще родились на этот свет. Уж этот-то трудновоспитуемый подросток вскоре убедит их в том, что они в этот раз крупно ошиблись.»

На память ему почему-то пришел тот день, когда господин Льюис в первый раз привел его к людям, решившим взять мальчика к себе в семью на воспитание. Это было семь лет назад. Джеку тогда только что исполнилось пять. Он судорожно рыдал всю дорогу, потому что не хотел расставаться с детским домом, в котором провел всю свою жизнь. Но его новая семья ему тоже очень понравилась. Два года он был милым и послушным пай-мальчиком. Но однажды его приемный отец не пришел домой и Джек узнал, что он их бросил. Его приемная мать заявила, что главной

причиной их развода стали проблемы и трудности, которые принес в их семью приемный ребенок и Джека снова вернули в детский дом.

Вскоре после этих событий он пришел к выводу, что любые попытки вести себя прилично – лишь пустая трата сил и времени. Всякий раз, когда ему удавалось наладить с сотрудниками детдома более-менее дружеские отношения, они или переходили на другую работу или же совсем увольнялись из-за расшатанности нервной системы. Детей постоянно переводили в другие детские дома или же отдавали на воспитание в приемные семьи. Глупо было пытаться найти себе среди них друзей. Господин Льюис неустанно пытался определить его в какую-нибудь семью, но Джек с самого начала знал, что все равно, рано или поздно его отошлют обратно в детдом. Поэтому он и старался вести себя как можно ужаснее, чтобы посмотреть, насколько у них с ним хватит терпения.

Примерно в это же время начала зарождаться и его слава поджигателя. Горящие спички стали для него попыткой отомстить окружающим за свою боль. Это было незабываемое зрелище – охваченная пламенем классная комната! А центр по работе с детьми и юношеством горел еще жарче! После этого-то у него и появилась кличка «Поджигатель». Джек к этому времени повидал уже столько различных учреждений, что исправительно-трудовая колония была далеко не самым ужасным из всех возможных вариантов.

Они уже давно ехали не по шоссе, а петляли по извилистой проселочной дороге. Со своего заднего сиденья Джек с отвращением обозревал пейзаж. Поля, холмы и леса были без конца и края! И как только люди живут в такой глуши?

– Приведи-ка себя в порядок, – господин Льюис просто не мог ехать молча, – мы уже почти приехали!

Джек взглянул на свое отражение в зеркале заднего вида. От отца-нигерийца он унаследовал кучерявые черные волосы, от матери-ирландки – кожу безупречной белизны. По одной его щеке расплзлось ярко-красное родимое пятно, придававшее всему лицу довольно карикатурный вид.

Всю жизнь, сколько Джек себя помнил, его преследовала злобная шутка: «Что это такое: смесь черного с белым и красным?» Ответом на нее было: «Нет, это не газета, это Джек!» Всякий, кому приходил в голову этот вопрос, считал, что он был первым, сочинившим эту остроумную шутку. Однажды Джек сломал руку мальчишке, который никак не хотел перестать повторять эту шутку на все лады.

– Вот и Лонгфилд! – провозгласил господин Льюис. У Джека не было ни малейшего желания рассматривать ни красивые дома, окружавшие площадь, ни старую церковь, ни уютные маленькие магазинчики. Он закрыл глаза и начал обдумывать свой план.

«Может быть, стоит побыстрее учинить что-нибудь грандиозное, чтобы уже с самого начала нагнать на этих людей страх? – размышлял он. – Или лучше начать с мелочей, а потом набирать темп?» К тому времени, как они свернули на красивую, с двух сторон окаймленную кустарником дорогу, Джек принял решение не вступать ни в какие разговоры и вообще не раскрывать рта.

«Сначала они, конечно же, будут изо всех сил стараться быть любезными и радушными. Когда же все равно не добьются от меня ни слова, то наверняка начнут злиться», – думал он угрюмо.

Наконец они остановились перед домом. С первого взгляда почему-то казалось, что он был сделан из картона. Дом с трех сторон окружал сад, очень похожий на компостную кучу.

«Развалюха будет неплохо гореть, – с удовлетворением отметил Джек, – это и станет моим прощальным приветом».

Дверь дома отворилась, и навстречу им выскочил возбужденно оскаленный охотничий пес.

Весь дом, казалось, был битком набит людьми, очень старавшимися быть приветливыми и радужными. Повсюду пахло жареным луком. Хмурый, замкнутый вид Джека, казалось, совсем не смущал его круглую, как колобок, новую приемную мать, торопливо накрывавшую на стол. Муж ее был человеком довольно невзрачным, от которого, как почувствовал Джек, ему вряд ли стоит ожидать неприятностей. Зато сын их, Петер, произвел на него довольно сильное впечатление.

«Он будет постарше меня, – подумал Джек. – Мне нужно будет его остерегаться.»

Еще там была маленькая девочка, которой время от времени наверняка можно будет дать пару подзатыльников. Когда все, наконец, расселись за столом, эта малявка не могла оторвать глаз от его родимого пятна. О, с каким удовольствием он поколотил бы ее!

Джек решил ни к чему за столом не притрагиваться, но то, что стояло перед ним, пахло так аппетитно, что он и оглянуться не успел, как с тарелки исчезла и третья порция добавки.

– Ну что же, до свидания! – помахал на прощание господин Льюис.

«Мы с тобой еще обязательно увидимся, уж в этом-то можешь не сомневаться, – думал Джек,

жуя. – Но отсюда я уеду в шикарном полицейском автомобиле, а не на твоей ржавой таратайке».

– Думаю, тебе не терпится увидеть свою комнату, Джек, – сказала толстуха. – Под нее мы специально переоборудовали чердак.

«Просто восхитительно! Они решили поселить меня с пауками и крысами!» – подумал Джек, поднимаясь вслед за ней по крутой лестнице. Но, открыв дверь, вопреки своим ожиданиям, он был приятно удивлен.

– Мы оставили стены голыми, чтобы ты сам развесил на них плакаты, какие тебе хочется. Здесь наверху ты можешь делать все, что захочешь. Никто не войдет в твою комнату без твоего разрешения.

За двенадцать лет жизни у Джека еще никогда не было своей собственной комнаты. Свой, личный маленький мир!

«Можно будет пошиковать здесь пару недель, – размышлял Джек, растянувшись на удобной кровати. – И пока что не устраивать им никакой крупной пакости, чтобы они не выкинули меня отсюда прежде, чем я успею этим всем хорошенько насладиться».

Он лежал на кровати и наслаждался покоем, пока его не позвали вниз пить горячий шоколад с бутербродами. Он никогда еще не встречал такого детского дома, где ему был бы предложен такой сервис.

– Завтра ты пойдешь вместе со мной в школу, – вторгся в его радостные размышления Петер. – Нам придется сначала семь километров трястись в школьном автобусе, но оно того стоит. Наша школа довольно маленькая, всего шестьсот учеников. И учителя неплохие.

Джек в жизни еще не встречал ни одного учителя, который был бы «неплохим». Никто из его знакомых учителей даже приблизительно не подходил под это описание. Все, казалось, ненавидели его так же сильно, как и он их. Но и насолил он им, правда, немало. Он знал, что стал причиной нервного расстройства по крайней мере троих из них. Пятеро же учителей сложили оружие и поменяли профессию. Он сменил одну за другой семь школ и умудрился ни в одной из них ничему не научиться.

– У нас все ходят в школьной форме. Мой старый пиджак, я думаю, будет тебе как раз. Можешь взять и мой запасной галстук, пока не обзаведешься своими собственными вещами.

«Свое тряпье оставь при себе!» – подумал Джек и направился к лестнице, мечтая поскорее улечься в постель.

Джеку редко когда удавалось хорошенько выспаться. Проспать всю ночь напролет, не просыпаясь от храпа или ворочанья соседа, было воистину блаженством. Проснувшись, он нарочно натянул свои самые старые джинсы и самую рваную рубашку.

«Пусть только попробуют заставить меня надеть свою школьную форму!» – решил он, приговорясь к нешуточному бою. Но все, собравшиеся на завтрак, были настолько поглощены вкуснейшей яичницей с салом, что на его одежду никто не обратил ни малейшего внимания.

– Папа работает почтальоном, – объяснила Джеку маленькая девочка, – поэтому его сейчас нет.

Джек толстым слоем намазал на свой кусок хлеба апельсиновое варенье. Меньше всего в мире его интересовало то, где находится в данный момент этот смешной человечек.

– Вот ваши бутерброды, мальчики, – сказала «мадам Студень», так Джек про себя окрестил свою приемную мать. – Вечером я приготовлю для вас настоящий обед, – объяснила она Джеку.

– Если ты будешь одет, как все, в пиджак и с галстуком, тогда к тебе в школе будут не так приставать, – предупредил его Петер, запихивая тетради, книги и бутерброды в портфель. Но видя, что Джек никак на это не отреагировал, Петер тоже не стал продолжать этот разговор и они молча зашагали по дороге.

«Как же я тебя ненавижу! – думал Джек по дороге. – Уж я постараюсь отучить тебя от этих улыбочек еще прежде, чем мне придется вас покинуть».

Все было точно так, как и во всех других школах. По мере того, как за его спиной захлопывались одна дверь за другой, Джек все острее ощущал себя запертым в клетке. И все тот же хорошо знакомый запах дезинфекционных средств, потных ног и школьной столовой. И, как всегда, множество расширенных от ужаса глаз, неотрывно прикованных к его родимому пятну. А после этого те же самые смешки и шепот.

– Это господин Перси, – сказал директор. – Он занимается с отстающими учениками, к которым в данный момент причислен и ты.

«Так, спихнули меня к тупицам», – подумал Джек, с напряжением ожидая неизбежного вопроса. Он прозвучал сразу же после того, как директор вышел из класса.

– Ты умеешь читать? – спросил учитель. Джек почувствовал на себе взгляды всего класса. Он выпучил глаза, отвесил подбородок и издал булькающий звук.

– Да, но... – начал было учитель, и поспешно добавил: – Ничего, не переживай! Садись-ка вот сюда и нарисуй мне что-нибудь.

«Все идет как по маслу, – отметил удовлетворенно Джек. – Он не будет загружать меня работой.»

Но он не намеревался и дальше играть идиота. Когда прозвенел звонок на большую перемену, он со всеми вместе вышел на улицу.

Джек до мелочей знал все, что произойдет дальше. Мускулы его напряглись, все тело готовилось к драке. Как и следовало ожидать, скоро он оказался в тесном кольце насмешливых физиономий.

– Уж не опрокинула ли мамочка на твое блед-

ненькое личико банку с красной краской? – язвительно спросил толстый мальчишка в очках.

– А кто это сделал тебе такую химическую завивку? – насмешливо протянул другой, в то время, как рыжий мальчишка в новеньком пиджаке, пристально изучая старую рубашку Джека, хихикнул: – Моль, да?

Все это Джек выслушивал со сделанным равнодушием, пока кто-то наконец не додумался до шутки с «красно-бело-черным.» Тут он уже не выдержал. Насмешники не успели опомниться, как у троих из них оказались расквашены носы, а у одного под глазом появился синяк.

– Ага, червяк начал извиваться! – заорал толстяк. Но никто из них не мог по-настоящему противостать Джеку. Поэтому, услышав звонок на урок, все с облегчением бросились по классам. На дворе остался лишь толстяк, со слезами искавший свои очки. Рыжий мальчишка стонал и всхлипывал.

После этого и учителя и ученики должны были бы оставить Джека в покое. Так, по крайней мере, было во всех его бывших школах.

Вечером, когда Джек и Петер вернулись из школы домой, родители и их дочь уже сидели за столом. От запаха еды, которую «мадам Студень» щедро накладывала на их тарелки, начинали течь слюнки.

Джек заранее приготовил ответы на все их замечания и вопросы о его синяках и шрамах, но госпожа Джарвис лишь дружелюбно спросила:

– Ну, как прошли занятия?

Джек лишь скривился и пожал плечами, но Петер, сидевший напротив, расплылся в одобрительной улыбке.

– Я видел, как ты отделал этих ребят из шестого класса, – сказал он. – Это было просто здорово! С этими негодьями можно справиться только так. Я бы вышел тебе помочь, но у нас как раз шел урок французского.

Джек украдкой взглянул на почтальона. Один из его приемных отцов, когда до него доходили известия об очередной его драке, беспощадно порол Джека ремнем. Этот же коротышка, казалось, и не слышал всего сказанного. Джек взял еще один кусок яблочного пирога и в первый раз за этот день почувствовал себя поистине вольготно.

Жгучая ненависть

Субботним утром Джек не спешил выбираться из-под одеяла, размышляя о том, чем же в этой глуши можно заняться в выходные дни. Петер куда-то уехал на своем велосипеде, девочка читала в гостиной. Судя по запахам, «мадам Студень» орудовала на кухне.

«Неплохо было бы устроить перекур, – лениво подумал Джек. – Жаль, что я сейчас на мели. Нужно будет по-тихоньку спуститься вниз, пока они все заняты своими делами, и попробовать отыскать кошелек толстухи. Думаю, там всегда можно будет разжиться мелочью». Сумочка хозяйки дома висела вместе с ее необъятным пальто, в темном углу в самом конце узкой прихожей. Джеку пришлось пробираться через завалы резиновых сапог, сумок, игрушек и собачьих мисок. Пухлый кошелек живо напомнил Джеку его владелицу.

– Джек! – раздался голос сзади. Джек замер – рука его все еще была в кармане. На другом конце прихожей господин Джарвис прикрыл за собой входную дверь и начал неторопливо снимать свою форменную куртку.

«Что же теперь будет?» – спрашивал себя Джек, медленно опуская руку вниз. Но коротышка, весело насвистывая, как ни в чем не бывало пересек

прихожую, чтобы повесить свою куртку рядом с пальто жены. Джек был основательно сбит с толку, но в то же время и раздражен: «Неужели же он так глуп, что не догадывается о моих намерениях? Или же он просто боится об этом заикнуться?»

– Я хочу сегодня поработать в саду, Джек, – сказал наконец почтальон. – И мне нужен помощник, который бы сжигал весь ненужный хлам и мусор. Не возьмешься ли ты за это?

Джеку очень хотелось отказаться, но огонь был самой большой страстью в его жизни. Он невольно кивнул и нисколько потом об этом не пожалел. Джек с таким увлечением сжигал груды хлама, накопившегося у двери черного хода, в теплице и садовом домике, что и не заметил, как день подошел к концу.

«Как же здесь все запущено, если накопилось столько хлама!» – подумал он. Но когда, загудев, пламя взметнулось ввысь, он не мог оторвать от него зачарованного взгляда.

Когда начали сгущаться сумерки, они все еще работали в саду. Джек не мог припомнить ни одного дня, который принес бы ему столько радостного удовлетворения.

Ну а потом пришло воскресенье. За завтраком, жуя теплые булочки с медом, Джек заметил, что все остальные были очень нарядно одеты.

– По воскресеньям мы ходим в церковь, – пояснила госпожа Джарвис. – Пойдешь с нами?

Джек так энергично затряс головой, что казалось, она вот-вот оторвется. Он очень не любил церкви. Воспитательница в одном из того множества детских домов, где он побывал, рассказала ему однажды, что непослушных мальчиков Бог наказывает и когда-нибудь он будет гореть в аду.

Джек не боялся ада, потому что любил огонь, но к Богу относился настороженно.

– Мы ходим в маленькую зеленую церковь из листов жести, здесь, на нашей улице, – объяснила ему Дженни, дочь хозяев, – там, правда, очень интересно!

«Гневный Бог может жить не только в огромных храмах, но и в церквях из жести», – подумал Джек, скривился и опять покачал головой.

«Как это типично – нацепив воскресные наряды, бежать в церковь», – злился он, глядя им вслед.

Нужно было где-то убить это бесконечно тянущееся воскресное утро. От скуки он решил исследовать деревню. Эта идея была не так уж и плоха. Он взял на заметку три стога сена, сторожку и старый сарай. Что-нибудь из этого можно будет поджечь, если жизнь в Лонгфильде станет очень уж монотонной.

Куда бы Джек ни пошел, его взгляду неизменно открывалась одна и та же картина погружившейся в тишину и покой деревни. На выросшего в городе Джека эта тишина наводила жуть и вскоре стала просто невыносимой. Он с облегчением перевел дух, услышав вдали веселый говор. Сгорая от любопытства он бегом завернул за угол и с разбегу влетел в толпу людей, которые, весело переговариваясь и смеясь, заняли всю дорогу. Слишком поздно Джек сообразил, что все эти люди были на богослужении в маленькой зеленой церкви, двери которой сейчас были распахнуты настежь.

Джек медленно пробирался сквозь толпу и вдруг оказался рядом с госпожой Джарвис. Она беседовала с высокой дамой с длинной шеей, которая тут же одарила Джека угрожающим взглядом и промолвила:

– Ага, так это и есть ваша новая «небольшая проблема», госпожа Джарвис.

Медленно надвигаясь на Джека, она надменно продолжала:

– Тебе действительно очень повезло, мой мальчик, что ты можешь жить в нашей замечательной деревне. Надеюсь, ты будешь хорошо себя вести.

Ответ Джека был очень неприличным. Воспользовавшись наступившим после этого ошеломленным молчанием, он бросился бежать вниз по улице.

Оказавшись под спасительной сенью пустого дома, Джек задумался над тем, что сделают с ним Джарвисы, когда вернутся домой. На память ему пришла поистине бурная сцена, когда его заставили извиниться перед тетей его приемной матери за сказанные в ее присутствии слова, подобные сегодняшним. Но при одной мысли о том, что этот невзрачный почтальон может заставить его что-то сделать, Джека разобрал смех. Сжав кулаки и приготовившись к жаркой схватке, он, расположившись в гостиной, стал ждать возвращения семьи.

Но эта семья, казалось, была сделана совсем из другого теста, чем большинство людей. Джек решил, что все семейство сошло с ума, когда они, без единого слова, едва переводя дух от смеха, ввалились в комнату.

– Ой, мамочка! – судорожно глотала воздух Дженни. – Ну ты даешь! Ты бы видела ее лицо, когда ты сказала, что очень рада, что Джек наконец-то обрел дар речи!

Госпожа Джарвис без сил опустилась на диван, вытирая выступившие слезы:

– Я думала, что она сейчас лопнет от злости.

Петер закутался в покрывало и вместо шляпы нахлобучил на голову подушку.

– Ну, если его дар речи годен лишь на это, – заговорил он, подражая голосу длинношеей дамы, – то остается лишь пожелать, чтобы он утратил его вновь и уже навсегда. Но если серьезно, Джек, – добавил он, освобождаясь от покрывала, – то не стоит считать мадемуазель Диксон типичным представителем приходящих в нашу церковь людей. Она всего-навсего старая лицемерка, которая приходит на собрания лишь для того, чтобы всех критиковать. Она никак не может смириться с тем, что папа и мама берут детей на воспитание.

Почтальон, казалось, вовсе не разделял веселого настроения своей семьи. Сейчас он печально стоял у окна.

– Мы не должны судить ее так строго, – спокойно сказал он. – Это неправильно, Джек, называть кого-либо таким словом, а особенно даму. Но она сама вела себя нетактично, и я прекрасно могу понять, что творилось у тебя на душе.

Джек отправился в свою комнату. То, что вся эта история окончилась совершенно непредвиденно этим легким укором, пробудило в нем неуверенность. Поднимаясь по лестнице, он услышал новый взрыв хохота из гостиной. Подавать этой глупой семье хоть малейший повод для веселья совсем не входило в его планы.

Прошло несколько недель, и Джек почувствовал, что веселье, постоянно царившее в этом доме, начинало действовать ему на нервы. Никогда еще в жизни он не встречался с людьми, подобными этим. В этом доме не очень-то заботились о соблюдении тишины и порядка, и тем не менее, казалось, они никогда не злились друг на друга. И вся

эта шумиха с Богом... Они даже поесть не могли, не поговорив сначала с Ним, как будто и правда считали, что Он сидит вместе с ними за столом. Казалось, они и не замечали угрюмой молчаливости Джека. Они просто все время с ним разговаривали, не задавая ему при этом прямых вопросов. Этим они лишали его удовольствия презрительно отшить их.

Джек начал задумываться над тем, не ошибся ли он в своей оценке почтальона. Может быть, этот тихоня вовсе не был таким глупым, каким он его считал. От глаз Джека не укрылось то выражение, с которым смотрел на него этот человек. Он с тревогой чувствовал, как взгляд этих добрых, мягких глаз проникает во все уголки его маленького, построенного из одной только ненависти, мира.

Но больше всех остальных его раздражал Петер. Ну с чего бы этот сильный мальчик, далеко не последний в спорте и в учебе, забивал себе голову такими вещами, как религия? Джек еще не встречал человека покладистей, чем Петер. Немало времени у Джека уходило на придумывание всевозможных способов вывести Петера из себя. В этом он был мастер, за его плечами были долгие годы упорных тренировок. Он включал радио на всю громкость, когда знал, что Петер сидит в своей комнате за уроками; часами запирался в ванной, когда видел, что тот хотел принять душ. Утром, перед самым уходом, когда они спешили, чтобы не опоздать на автобус, он прятал его спортивную одежду или кроссовки. Тетради, библиотечные книги, ручки бедняги постоянно исчезали и находились при самых странных обстоятельствах.

Само по себе все это было не так и страшно, но

если сложить все эти мелочи вместе, то они могли бы уже разозлить Петера. Каждый день Джек с нетерпением ожидал того момента, когда терпение Петера все-таки лопнет. Он знал, что Петер выйдет победителем из любой драки, но уж очень хотелось ему увидеть его разъяренным. Через две недели Джеку с глубоким разочарованием пришлось признать, что план его не удался.

«Он, должно быть, так же туп, как и его папаша, – с горечью думал Джек. – Можно подумать, что он ничего не замечает. Нужно придумать что-нибудь похлеще.»

Возможность для этого представилась уже в следующую субботу. Петер должен был, как представитель их округа, участвовать в легкоатлетическом забеге графства Сассекс. Вся семья собралась присутствовать на этих соревнованиях. Джек очень любил футбол, всякую же беготню просто так, без мяча, считал напрасным занятием.

– Джек, – сказала госпожа Джарвис, – я оставила тебе обед на столе. Его можно съесть и холодным, не разогревая. Если же ты снова проголодаешься, то возьми себе что-нибудь из холодильника. Ты точно уверен, что не хочешь поехать с нами?

Джек, как всегда, лишь скорчил гримасу и повернулся к ней спиной. Через две минуты все семейство скрылось за поворотом.

«Какие же они глупые, оставить меня здесь одного! – подумал Джек. – Они же наверняка знают о моем прошлом!»

В поисках идеи он напрямик отправился наверх, в комнату Петера. Но сама мысль о том, что они ему доверяют, удержала его от того, чтобы что-нибудь там сломать или испортить. Джек выскочил в сад. Там он увидел велосипед Петера. Он стоял у стены возле двери черного хода. Велосипеда у Джека никогда не было, но он всегда о нем мечтал.

«Ну что ж, сначала немного покатаемся, а там посмотрим», – сказал он себе. Спустя минуту он уже мчался вниз по улице. Чувство, овладевшее в следующие полчаса всем его существом, было по-

истине забываемо. Его охватило неопишное возбуждение. Быть в гордом одиночестве, в мире, состоявшем, казалось, лишь из скорости, ветра и свободы – это дарило ему столько же удовольствия, как и зрелище бушующего пламени. На пути к дому в его голове пульсировала лишь одна мысль: «Хочу, чтобы у меня был велосипед! Почему у Петера должны быть его собственные родители, которые его очень любят, собственный дом, из которого его никто не выгонит, да еще и собственный велосипед, на котором он может кататься, когда только пожелает?»

Исполненный злорадством, Джек разложил костер. Он истратил уйму дров из зимнего запаса семьи Джарвисов, чтобы огонь пылал пожарче. Сжечь велосипед оказалось задачей не из легких. Джек считал дело сделанным, лишь когда в огне исчез и насос.

Когда, наконец, у гаража послышался стук двигателя старенькой машины Джарвисов, от велосипеда осталась лишь обугленная рама.

– Я сгоняю быстренько на велосипеде в деревню за бутылкой колы, мама, – услышал Джек голос Петера. Потом, через несколько минут: – Мама, а где мой велосипед? Я точно помню, что поставил его у черного входа.

Свой костер Джек развел в дальнем углу сада, у самой стены. Увидев шагающего к нему по изрытой кочками лужайке Петера, он пожалел лишь об одном: что он отрезал себе все пути к бегству.

– Где мой велосипед, Джек? – спросил Петер. В своем спортивном костюме он выглядел поистине огромным, а его мускулы были похожи на кротовые холмики на лужайке.

«Уж не хватил ли я через край?» – спросил себя

Джек, когда Петер обнаружил покореженные останки сожженного велосипеда. Его лицо стало белее мела. Он сделал шаг в сторону Джека.

«Ну наконец-то! – подумал Джек с внезапным торжеством. – Безразлично, что он со мной сделает – мои усилия не пропали даром!»

Но Петер остановился, и руки его повисли, как плети.

– Я хочу тебе кое-что рассказать, – сказал он. – У меня на следующей неделе день рождения, и папа собирал деньги на новый спортивный велосипед. По дороге домой я сказал ему, что этот велосипед я хочу подарить тебе. Сжег ты не мой велосипед, а свой собственный.

Увидев боль и обескураженность в глазах Джека, он круто развернулся и пошел к дому.

Оставшись у затухающего костра в полном одиночестве, Джек горько пожалел, что Петер его не ударил. Тогда бы у него была причина ненавидеть его, а не себя. Уставившись немигающим взглядом на остатки того, что могло бы быть его собственным велосипедом, он ругал себя за свою глупость.

ЧП в Лонгфильде

– На этой неделе состоится очень важный матч, Джек, – сказал однажды Петер, следуя избранной их семьей тактике как можно чаще говорить с Джеком. – Команда нашей деревни по крокету считается лучшей командой нашего графства. На следующей неделе она будет играть со своим самым сильным соперником из Тайдехерста. Это будет главный матч сезона.

Он продолжал что-то говорить, но Джек его уже не слушал. Никто из членов семьи ни разу в его присутствии ни одним словом не обмолвился о сожженном велосипеде. Но с того самого дня Джек прекратил свои попытки вывести Петера из себя. Это занятие почему-то просто перестало его прельщать.

– У нас прекрасная команда, – продолжал между тем Петер. – Майк Тернер, например, играет за Кембридж. А полковник Уайт, он у наших тренер, недавно увидел меня в игре и сказал, что если я буду продолжать в том же духе, то, может быть, в следующем году меня возьмут в команду.

Джек никому в этом не признавался, даже самому себе, но в обществе Петера он чувствовал себя все вольготнее. В этот вечер он даже пошел вместе с ним наблюдать за тренировкой команды Лонгфильда.

Команду составляли в основном сынки богатеев, живших в красивых домах, окружавших центральную площадь деревни. Но среди них была и парочка молодых мускулистых фермеров, а также Джордж, владелец автозаправочной станции.

«И почему они не могут играть в какую-нибудь путевую игру, например, в футбол?» – подумал Джек.

– Никогда еще победа над Тайдехерстом не была так близка как сейчас, – хвастал полковник перед командой, рассеявшейся по ступенькам павильона. – На этот матч соберется все графство, чтобы увидеть честную игру.

Петер лежал на животе в мягкой траве и с почтительного расстояния восхищался командой. Джек сидел рядом и наблюдал, как все длиннее становились послеполуденные тени на коротко подстриженной, ярко-зеленой траве игрового поля. Крокетное поле было главной гордостью и радостью деревни. Одолеваемый скукой, Джек стал бесцельно бродить вокруг павильона. Внезапно он заметил, что дверь подсобного помещения была не заперта на замок, а лишь прикрыта. Любопытный, как всегда, Джек осторожно проскользнул внутрь. В полутьме, между косилками и граблями, ему в голову пришла великолепная идея. Его мозг лихорадочно заработал в тот момент, когда его взгляд упал на мешок с надписью «Средство для уничтожения сорняков».

«Так значит, все графство соберется, чтобы увидеть честную игру? – бормотал он себе под нос. – Ну, на этот раз они увидят нечто поистине необычное».

Он быстренько выволок мешок из подсобки и вместе с большой лейкой спрятал за горой пустых

ящичков. Разыскав торчащий из стены павильона водопроводный кран, он в сумеречной тишине отправился домой.

Полковник, поздно вечером замыкавший дверь подсобки, не заметил ничего необычного. Самодовольно насвистывая себе под нос, он бодро зашагал домой через примыкающий к крокетному полю луг.

Солнце еще не взошло, когда Джек выбрался из-под одеяла, оделся и выскользнул из дома. Он не ошибся в своих предположениях: в столь ранний час на улицах Лонгфильда действительно не было ни одной живой души. От одного из своих приемных отцов он узнал много всякой всячины об уничтожении сорняков. Этот мужчина питал такую ненависть ко всякого рода сорнякам, что уничтожал их с каким-то неестественным злорадством, не обращая никакого внимания на гибнущие при этом цветы. Джек не раз наблюдал за тем, как он высыпал в лейку с водой белые шарики. Поэтому он прекрасно знал, что и как ему сейчас надо было делать. Он вытащил лейку на самую середину знаменитого игрового поля и не торопясь, размеренно принялся за работу. Ему не раз еще приходилось бегать с лейкой к водопроводному крану, прежде чем он остался доволен результатом. Если бы в этот момент его мог увидеть господин Перси из класса для отстающих, то ему пришлось бы признать, что Джек совсем неплохо умеет писать.

Задолго до того, как молочница начала свой ежедневный обход деревни, Джек снова лежал под одеялом. Когда сторож, пришедший в ужас, вызвал полковника по телефону на крокетное поле, тогда ничего нельзя было исправить.

– Никому об этом ни единого слова! – полковник с трудом дышал. – Нам остается надеяться, что видно это станет после выходных!

В это субботнее утро вся деревня походила на растревоженный улей. Джордж украшал свою автозаправочную станцию разноцветными вымпелами. Элегантные дамы, стараясь перещеголять друг

друга, пекли самые невероятные торты и пироги: Лонгфильд славился своими «крокетными чаепитиями». Местная газета прислала своих лучших репортеров. Однако же, когда один за другим начали прибывать дорогие автомобили с членами команды Тайдехерста, в толпе началось хихиканье и перешептывание. Лица игроков из Лонгфильда залила краска смущения, когда они прочитали непристойное слово, выведенное огромными буквами из сожженной, желтой травы поперек их любимого игрового поля. Игроки, мягко говоря, были далеко не в лучшей своей форме. Тайдехерст выиграл с перевесом в 90 очков.

В то время, как местный полицейский начал вести расследование, репортер газеты, очень довольный происшедшим, вернулся в свое бюро и начал обдумывать заголовок своей статьи, что-то вроде «Неизвестный вредитель запятнал честь деревни». Он задавался вопросом, позволит ли главный редактор процитировать в газете это неприличное слово. Когда торжествующая и радостная команда Тайдехерста наконец отбыла домой, в павильоне собрались Майк Тернер и несколько молодых игроков команды Лонгфильда, чтобы дать простор своему гневу.

– Я бы того, кто это сделал, задушил собственными руками! – прорычал Джордж, владелец автозаправки.

– Спорим, что это дело рук краснокожего чудища почтальона?! – предположил племянник полковника.

– Точно, больше никому! – подпрыгнул от возбуждения Джордж. – Как это мы раньше не догадались?

– Да, из нашей деревни никто на такое не спо-

собен, – поддержал его Майк Тернер. Чем дальше они развивали эту мысль, тем яростнее вскипало их негодование.

– Этот мерзский мальчишка. Его обязательно нужно проучить, – решили ребята. Дождавшись сумерек, они отправились на поиски Джека.

Джек никогда еще не видел ни одного крокетного матча, но зато этот доставил ему истинное наслаждение. Он сидел на заборе на своей улице и все еще тихонько посмеивался. Вдруг из сгущавшихся сумерек бесшумно вынырнуло несколько фигур. Медленно и неуклонно, как стая волков, сжимали они кольцо, готовые к смертельному прыжку. Джек почувствовал нависшую над ним опасность. Во рту у него внезапно пересохло.

– Это ты тот негодяй, который превратил нас в посмешище для всего графства? – спросил Майк. Его пальцы легли на горло Джека как стальные клещи. Джек знал, что никаких доказательств у них нет и быть не могло. Но, взглянув на их лица, он понял, что пощады не дождетя.

«Сейчас тебя, дорогой, отлупят так, как не лупили еще ни разу в жизни, – подумал Джек. – И ты ничего не сможешь предпринять!»

Следующие несколько минут были ужаснее, чем он себе это мог представить. Их было пятеро высоких, сильных парней и к тому же они были вне себя от ярости. Позже он мог припомнить лишь несколько тяжелых пинков ногами и сокрушительные удары кулаком. В ушах стоял шум, глаза заливала кровь, бежавшая из рассеченного лба. Когда он между двумя пинками под ребра и в желудок глотнул воздуха, то пожелал одну минуту передышки, чтобы спокойно умереть.

В тот момент, когда Джек уже всерьез поверил,

что ему пришел конец, раздался знакомый голос Петера:

– И как же вы, такие здоровые, додумались избивать двенадцатилетнего?

В первый раз за весь этот день ребята из крокетной команды чувствовали себя поистине вольготно. И они никак не могли допустить, чтобы 15-летний Петер испортил им все удовольствие. Племянник полковника протянул язвительно:

– А кто знает, уж не помогал ли он своему братишке? Лучше всего будет отвесить и ему пару оплеух на память.

Джек услышал глухой удар и яростный крик Петера. Когда же в следующий момент на дороге появился старенький автомобиль почтальона, Джек погрузился во тьму.

Он не помнил ничего из того, что произошло дальше, вплоть до той самой минуты, когда, открыв глаза, обнаружил, что лежит на диване в гостиной Джарвисов. Петер сидел в кресле и прикладывал себе мокрый платок к огромному синяку на челюсти. Он негромко бубнил себе под нос что-то нелестное о поведении своих бывших кумиров.

Джек знал, что никогда не сможет забыть той заботы, которой окружила его в тот вечер госпожа Джарвис. Он поклялся себе никогда больше не называть ее «мадам Студень». Она не задавала ему никаких неприятных вопросов и не ставила в неловкое положение излишней хлопотливостью. Она промывала, дезинфицировала и перевязывала раны Джека так, как-будто бы во всем мире для нее не существовало человека важнее этого чужого мальчика. Почтальон медленно, с ложечки вливал ему в рот теплый, сладкий чай, всячески оберегая его разбитые, распухшие гу-

бы. Держа чашку, господин Джарвис вдруг усмехнулся и сказал:

– Досталось тебе, конечно, по заслугам, но нам все равно очень жаль, что это произошло.

– Слава Богу, что ты, папа, появился как раз вовремя, – сказал Петер, откусывая огромный кусок от маминого шоколадного пирога. – Они успели ударить меня только один раз – но, ой, моя челюсть! Я могу примерно себе представить, что пришлось пережить нашему бедному Джеку.

– Никто из нас не скажет другим об этом ни слова, – повелительно произнес Джарвис, – иначе могут быть неприятности с полицией. При взгляде на тебя, Джек, мне кажется, что ты был уже достаточно наказан.

Позже, когда почтальон и его жена ушли, чтобы дать корм кроликам и запереть на ночь кур, Джек раскрыл рот в первый раз за все свое время пребывания в этом доме.

– А с чего ты, собственно говоря, решил за меня вступиться?

– О, моя голова... я просто не в состоянии думать, – сказал Петер с улыбкой. – Как бы то ни было, отныне путь в команду для меня закрыт навсегда.

– Нет, ты все-таки скажи, почему? – настаивал на своем Джек. Ему непременно нужно было узнать причину.

– Ну, в общем, – бросил Петер с усмешкой, – я считаю, что, как члены одной семьи, мы должны всегда стоять друг за друга.

– В любом случае, спасибо! – отрывисто пробормотал Джек и закрыл глаза.

Лишь через неделю он поправился настолько, что смог снова начать ходить в школу. Он не про-

был в ней и трех часов, как ему удалось поставить всю школу с ног на голову: на большой перемене он умудрился включить сирену пожарной тревоги. Никогда еще в это время дня в школе не проводились занятия по противопожарной безопасности. Возникший из-за этого хаос, немало способствовал укреплению боевого духа Джека.

Таинственная хижина

Уже многие годы Джек неизменно придерживался одного правила: ненавидеть всех, кто встречался на его пути. Но проходили неделя за неделей, и Джеку становилось все труднее следовать этому правилу по отношению к семье Джарвисов. Ему начинало казаться, что, ослабив свою бдительность хоть немного, он начнет их любить, в уверенности, что подобное стало бы для него величайшим несчастьем. Джек решил держаться от них, как можно дальше. Это было нетрудно, пока он был в школе. Но что, скажите на милость, должен был он делать все остальное время?

Одним субботним вечером он совершенно случайно открыл для себя лес. Джек ненавидел воскресенье, но субботние вечера были еще хуже. Каждую неделю повторялось одно и то же: к восьми часам к дому стекалось множество молодых людей со всей округи. Они приходили пешком, приезжали на велосипедах, машинах и мопедах и, казалось, становились главными распорядителями во всем доме, которые пели под гитару, читали Библию и разговаривали с Богом так, как будто были хорошо с Ним знакомы. Их голоса доносились даже до Джека на чердак, и он всех их страшно ненавидел. Почтальон был на этих собраниях главной руководящей силой, а жена его неумолимо разносила кофе и печенье.

Для Джека было легче умереть, чем присоединиться к их компании. Но его все-таки мучило ощущение чего-то упущенного. В эту же субботу его терпения хватило очень ненадолго. Джек с грохотом захлопнул за собой дверь «развалюхи», так он называл дом семьи Джарвис, и поплелся по дороге. Он угрюмо брел по тропинке через поле, пока вдруг не оказался в лесу. Тишина и одиночество пролились на его душу живительным бальзамом, всякое напряжение исчезло. Здесь, в сени огромных деревьев, не было никого, кто смотрел бы на его родимое пятно, кто над ним насмеялся бы из-за его неумения читать или издевался за то, что у него не было родителей. Теперь, наконец, у него появилось убежище, и на следующей неделе он стал при первой же возможности убегать в лес. В пятницу он увидел зайца. Для городского мальчишки, как Джек, встреча с настоящим диким зайцем, была поистине великим событием и навела его на одну мысль.

По субботам семья частенько отправлялась в город, чтобы сделать необходимые покупки. В этот раз Джек поехал вместе с ними. Расходы на жизнь в деревне были намного меньше городских и Джеку не трудно было сэкономить немного денег из того, что он получал на карманные расходы. С веселым возгласом: «Через час на этом же месте!» семья разбрелась в разные стороны. Джек отправился вдоль главной улицы. За все эти годы он прекрасно усвоил, как можно набить карманы сладостями, не заплатив за них ни копейки. Он вошел в магазин, позвякивая монетами в кармане. Сделав вид, что никак не может остановить свой выбор на чем-то определенном, он набил себе карманы своими любимыми конфетами, общей

стоимостью – минимум в один фунт стерлингов. Пожилая владелица подобной лавки в Лонгфильде была полуслепой, поэтому Джек посчитал ниже своего достоинства испробовать на ней этот свой трюк. Сейчас же в городе, он двумя руками ухватился за предоставившуюся ему возможность и прочесал еще три магазина, торговавших сладостями, прежде чем вступил под своды магазина спортивных товаров, куда он, в общем-то, и направлялся. Там он купил себе рогатку из прочного металла и довольный направился к автомобилю.

По пути домой семья запевала одну христианскую песню за другой. Это пение раздражало Джека, но он молчал. Джарвисы, казалось, от всей души радовались жизни.

Весь остаток дня шел сильный дождь, не переставая. Вылазку в лес Джеку пришлось отложить до воскресного утра. Свою новую рогатку он засунул поглубже в карман.

Теперь Джек ощущал себя дикарем и охотником. Если бы нашлись подходящие лианы, он летал бы с дерева на дерево. Он безуспешно выстрелил в нескольких птиц, но главной его целью были, конечно, зайцы. Тут он увидел кошку. Это было гибкое, с черной шерстью животное, в точности похожее на тех кошек, что повсюду сопровождали ведьм, как их иногда изображали в книгах сказок. Вообще-то Джек никогда не собирался убивать кошек. Он лишь машинально прицелился – и гладкий камень-голыш, подобранный на аллее, ведущей к дому полковника Уайта, угодил ей прямо между глаз. Смерть была мгновенной, без мук и агонии.

Джек, как зачарованный, смотрел на безжиз-

ненное тело, борясь с тошнотой. Это было очень красивое животное, и когда он носком ботинка перевернул кошку на спину, то понял, что у нее совсем недавно появились котята. Бессмысленность этого поступка ошеломила его. И тотчас в его памяти всплыла одна картина. Эту картину он уже три года всячески старался стереть из памяти. Но, несмотря на все усилия, она вновь и вновь вставала перед его глазами, причем, именно тогда, когда он меньше всего этого хотел. И тогда ему казалось, что он снова слышит этот жуткий собачий вой.

В тот день Джек намеревался поджечь бесхозный лесок недалеко от детского дома, заранее раздобыв себе канистру бензина, украв ее из машины директора детдома. Вооружившись спичками, он уже собирался было приступить к делу, когда на него налетел большой рыжий сеттер. Джек несколько раз пытался его прогнать, но безуспешно, и в конце концов терпение его лопнуло. Он облил собаку бензином и поднес горящую спичку. То, что произошло потом, было просто ужасно. Чем быстрее бежал испуганный пес, тем выше взвивалось пламя. В возникшей суматохе, когда на место происшествия сбежался народ, а воздух был наполнен жутким собачьим воем, Джеку удалось скрыться никем не замеченным. После этого он несколько дней не притрагивался к еде, и стоило ему лишь сомкнуть глаза, как он видел пса, несущегося прямо на него. Благодаря самоотверженному уходу хозяина и хирургическому искусству ветеринара пес выжил, но шерсть его так и не отросла. Всякий раз, когда Джек видел это изуродованное существо на улице, его начинало тошнить. Ну, а теперь у его ног лежала эта мертвая кошка.

«И что только выйдет из такого подонка, как

ты, Джек Джонсон? – пробормотал он. – В тебе ведь совсем не осталось ничего хорошего.»

Чтобы избавиться от овладевшего им отчаянья, Джек столкнул кошку в яму, бросил туда же рогатку и зашагал по тропинке, выискивая что-нибудь, что могло бы отвлечь его от неприятных мыслей.

Он наткнулся на это даже раньше, чем ожидал. Немного в стороне от лесной тропинки, в зарослях крапивы и густого кустарника, стояла заброшенная хижина. Двести лет назад, во времена процветания металлургии в этой части графства Сассекс,

эта хижина была частью старого металлургического завода. После того, как эта индустриальная ветвь прекратила существование, вскоре распался и завод. Осталась только хижина главного мастера, которая со временем все больше зарастала лесом. Она как нельзя лучше соответствовала настроению Джека. Ему вдруг подумалось, что этот дом вполне мог бы принадлежать ведьме, чью кошку он только что убил. В поисках приключений он отворил ветхую садовую калитку и по заросшей дорожке направился к входной двери.

«Здесь явно уже давно никто не живет», – успокаивал он сам себя, заглядывая в одно из окон. Но уже с первого взгляда было ясно, что он ошибся. В хижине царил ужасный беспорядок. И тем не менее, Джек отметил, что все убранство и мебель в ней были старинными и очень ценными. Потом он обнаружил метлу. Она стояла у стены возле того окна, в которое заглядывал Джек.

– Ага, так значит, здесь все-таки живет ведьма! – выдохнул он почти беззвучно. Его пробрала ледяная дрожь. Вообще-то, ни в сказки, ни в ведьм он не верил, но сама эта идея почему-то его завораживала. Он начал заглядывать во все окна по очереди. В глубине души он надеялся обнаружить ведьму, но хижина, казалось, была пуста. Может быть, она, как и семья Джарвисов, отправилась в церковь? Хотя нет, ведьмы любят церкви не больше, чем он.

Но тут им вдруг овладел поистине панический страх. Заглядывая в одно из покрытых толстым слоем пыли окон, Джек обнаружил в темном углу гостиной диковинную черную массу, как-то странно шевелящуюся на полу. Джек не обратил бы на нее никакого внимания, если бы до этого сам не нагнал на себя страху мыслями о ведьмах.

Он был уже на полпути к калитке, когда любопытство взяло верх над охватившей его паникой. Он просто обязан был разузнать, что это за масса! Он еще в самом начале заметил, что кухонное окно было полуоткрыто. Джеку ничего не стоило во мгновение ока пробраться в дом. В невыносимо-грязной кухне стояла такая вонь, что Джек, пробираясь через маленькую прихожую в комнату, вынужден был зажать нос. Ему потребовалось все его мужество, чтобы пересечь полутемную комнату. И тут он остановился, как вкопанный, над корзиной с черными котятами.

Та странная масса, которую он увидел через окно, были семь маленьких котят, которые пытались выкарабкаться из корзины, чтобы отправиться на поиски своей матери. Им было неделю от роду. Их глаза еще не открылись, и они были так беспомощны! У Джека защемило сердце, когда он понял, что всех их ждет верная гибель.

– Малыши, это я убил вашу мать, – прошептал он. – Простите меня.

Почувствовав, что волна отчаяния вот-вот накроет его с головой, он поспешно отвернулся. Его глаза жадно искали чего-то другого, не тех, кто уже перешел границу между жизнью и смертью или скоро это сделает. На маленьком столике возле камина, забитого холодным пеплом, стояли три изящные серебряные фигурки птиц. Они были поистине шедеврами. Джеку еще никогда не приходилось видеть такой красоты. Он взял в руки по птице.

– Попался, голубчик! – раздался дребезжащий голос из прихожей.

Джек обернулся – перед ним стояла «ведьма»! Его прошиб холодный пот. Это была старая,

согнутая в три погибели, старушка. Ее изможденное лицо обрамляли пряди седых волос. Она была одета в длинный фланелевый халат и сжимала в руке пистолет. Джек совсем был сбит с толку. В сказках ведьмы, может быть, и размахивают метлами, но ведь не пистолетами же! Ее покрасневшие и опухшие глаза с яростью и ненавистью уставились на Джека.

– Я не стану убивать тебя насмерть, – объявила она. – Я лишь прострелю тебе коленную чашечку, чтобы болело сильнее. Тогда у меня будет достаточно времени, чтобы дойти до ближайшей фермы и вызвать по телефону полицию.

– Нет, нет, не делайте этого, – тут же закричал Джек. – Я ничего не взял.

– Нарушение неприкосновенности жилища, уже само по себе, довольно тяжелое преступление, – грубо оборвала она его. – А на моих птицах осталось множество твоих отпечатков пальцев. За это тебя точно упрячут за решетку.

Джек знал, что она права. Учитывая его прошлое, такой вариант был вероятен. Он, вообще-то, с самого начала планировал покинуть Лонгфилд в шикарной полицейской машине, но сейчас мысль об этом не вызывала у него особого восторга.

– Я знаю, кто ты, – продолжал дребезжащий голос. – Ты новый малолетний уголовник почтальона.

– Никакой я не уголовник! – возмутился Джек.

– Ну так станешь им, когда я с тобой расквитаться, – проворчала старушка.

Джек промолчал. Его гордость не позволяла ему молить о пощаде. Шаркая ногами, старушка подошла к нему поближе и стала рассматривать его родимое пятно.

– Мерзкий мальчишка! – сказала она недруже-

любно. – Но трусом тебя не назовешь. Видишь всю эту крапиву и сорняки вот там?

Она указала пистолетом в направлении окна. Джек судорожно глотнул и кивнул.

– Когда-то там был сад, – продолжала старушка. – Однако из-за своей подагры я больше не справляюсь со всей этой работой. Если ты будешь каждый вечер приходить сюда на два часа, и по выходным тоже, и расчищать сад, то я буду молчать. Но если ты не придешь, я сразу же отправлюсь звонить в полицию.

– Но это же форменный шантаж, – возмутился Джек.

– Это можно назвать и трудовым воспитанием, – хихикнула старушка.

– Что тебе больше по душе: мое правосудие или полицейское?

– Ваше, – пробормотал Джек и выругался.

– Мне, кстати, известно много слов, которые будут крепче твоих, – заметила старушка, подталкивая Джека через «благоухающую» кухню к выходу. Она вручила ему тупую мотыгу и ржавые садовые ножницы и приказала: – Ступай, берись за работу, а на перекур не надейся!

Руки и ноги зудели от бесчисленных крапивных ожогов, колючки впивались в кожу. Яростное летнее солнце палило невыносимо и пот струйками сбегал по спине. Но стоило Джеку прекратить работу, как в окне спальни появлялась голова старушки и поливала его бранью и угрозами. Когда же он, наконец, измученный, исцарапанный, покрытый запекшейся кровью, тащился домой, то с огромным облегчением вспомнил, что по крайней мере, от рогатки-улики он успел избавиться, как нельзя вовремя.

Семь черных котят

Вся последующая неделя превратилась для Джека в один сплошной кошмар. От тяжелой работы все его тело ломало так, что по утрам любое движение стоило ему огромных усилий. По ночам он не мог сомкнуть глаз из-за страха, что старушка узнает, что сделал он с ее кошкой. Днем в школе ему становилось плохо от одной только мысли о том, что ему снова придется тащиться в эту отвратительную хибару.

Он горько усмехнулся, случайно услышав, как госпожа Джарвис сказала своему мужу:

– Надеюсь, с Джеком ничего не случится плохого, если он будет каждый день часами пропадать в лесу.

– Не волнуйся, там с ним ничего не случится, – прозвучал успокаивающий ответ. – Лес исцеляет человека.

«Он, должно быть, шутит», – подумал Джек в отчаянии. Никто его, конечно, не мог заставить снова и снова приходить к этой отвратительной хибаре. Неприятности, которыми ему грозила старушка, не шли ни в какое сравнение с теми, что он уже успел пережить. Но в старушке было что-то такое, противиться чему он был просто не в силах. Он чувствовал, что обязан был ей повиноваться.

Наконец пришло воскресенье. Он выпалывал сорняки и чувствовал, как немилосердный зной лишает его последних сил. Он только-только начал, а руки уже отказывались повиноваться. Внезапно раздался скрип открываемой двери, и на пороге появилась старушка. Она пригласила его зайти в дом. Джек медленно положил свою мотыгу и терзаемый дурными предчувствиями, последовал за ней в хижину. Несмотря на зной, его пробрала дрожь ужаса, когда она привела его в тот угол, где когда-то стояла корзина с котятами.

«Ну все, конец мне, – подумал он, – она наверняка знает, что случилось с кошкой.» Но, к его удивлению, все котята были не только живы, но даже жизнерадостны. Снизу вверх на него доверчиво уставились семь пар круглых зеленых глаз.

– Их мать сбежала и бросила их на произвол судьбы. Точно так, как поступила со мной и моя мать, – с горечью промолвила старушка. – Такое бессердечье! Готова спорить на что угодно, она сбежала потому, что познакомилась с молодым котом. А мне сидеть теперь тут со всеми семью младенцами!

– Почему они еще не умерли? – спросил Джек с нескрываемым облегчением.

– Почему они еще не умерли? – воскликнула старушка. – Да потому, что я сама, собственноручно кормлю их через каждые два часа, днем и ночью. Я уже совсем выбилась из сил. Мне пришлось даже ехать на автобусе в город, чтобы купить для котят молочную смесь и пипетки для кормления. Ах, все эти заботы и хлопоты, только чтобы спасти их. Лучше бы я их утопила.

– Нет, нет, не делайте этого, – начал умолять ее Джек. – Я буду помогать Вам их кормить.

– По утрам, до начала занятий в школе? – спросила она.

– Да, – сказал Джек и сам себе удивился. – Я мог бы приходить сюда часам к семи.

– Ну хорошо! Тогда я смогу позволить себе небольшой отдых и снова взяться за чтение. На этой неделе я не прочла ни страницы. Смотри внимательно, я тебе сейчас покажу, как это делается, чтобы ты уже сам смог покормить их перед уходом.

Джек, как зачарованный, следил за тем, как она развела молочную смесь в теплой кипяченой воде, потом набрала это молоко в пипетку. Она закутала первого котенка в свой старый платок и всунула ему в рот пипетку. Котенок тут же начал жадно сосать и в мгновение ока опустошил три «пипеточных» порций.

– Так, все, пока хватит, ты, жадюга, – беззлобно ворчала старушка. – А то еще живот лопнет.

Она ругала и бранила каждого котенка, которого кормила. Но от глаз Джека не укрылось, с какой осторожностью и любовью брала она их на руки.

– Эти недотепы и правда принимают эту грелку за свою мать, – пояснила она, наполнив грелку теплой водой, обернув ее в тряпку и вновь положив в корзину.

– Их всегда нужно держать в тепле, даже летом, – объяснила она Джеку. Недоуменно смотрел он, как старушка брала одного котенка за другим и у каждого терла животик теплой влажной губкой.

– Младенцы пачкают пеленки, а котят же надо приучить – точно так, как это сделала бы кошка – отправлять свою нужду.

Когда каждый из котят сделал положенное,

она снова уложила их на грелку и накрыла корзину шерстяным одеялом.

– Теперь ступай работать, – приказала старушка. – Следующую кормежку проведешь сам, через два часа.

Это оказалось совсем не так просто, как думалось сначала, и к тому же старушка вплотную нависла над ним и осыпала проклятиями его неуклюжие руки.

– Засунь пипетку в рот! – шипела она ему. – Он не умеет пить молоко ухом! – Или: – Ты же его задушишь, тупица, если будешь так держать.

И все равно эта кормежка доставляла ему огромное удовольствие.

Однако от этого удовольствия не осталось и следа, когда на следующее утро Джек, проспав, был вынужден топтать по лесу с пустым желудком. Он готов был язык себе откусить за то, что предложил кормить котят. Но день шел за днем, и вскоре он с головой погрузился в работу по уходу за малышами. Теперь он проводил три, а иногда и четыре операции по кормлению. Старушка при этом сидела рядом с очками на красном носу, и читала.

Джек не раз спрашивал себя, знал ли хоть кто-нибудь в округе об этой хижине и ее причудливой обитательнице. Но так как со своей семьей он не разговаривал, то и не знал, как же ему это разведать.

Поэтому он был очень удивлен, когда Петер однажды по пути в школу сказал:

– Если ты и дальше будешь продолжать шататься по лесу, то обязательно столкнешься со старушкой Поттс. Она просто ужасна! Она живет в полуразвалившейся лачуге у заброшенного металлургического завода. Ты ее уже видел?

Не получив никакого ответа, Петер продолжал:

– Она поистине отвратительна, никто не хочет иметь с ней никакого дела. Она всегда выкрикивает папе вслед жуткие ругательства, когда он приносит ей почту, зная, что он христианин. Она, знаешь, ненавидит Бога. Когда я был маленьким, то думал, что она настоящая ведьма, но папа говорит, что она просто стара и одинока. Создается

впечатление, что старушка Поттс ненавидит всех людей, как, впрочем, и ты, Джек, – добавил он с усмешкой. – Тебя ожидает, вероятно, такая же судьба.

Джек остановился как вкопанный. Неужели он и вправду станет таким, как старушка Поттс? Одиноким человеком, наводящим на всех страх, которого все будут избегать?

– Ну, давай же, пошли! – окликнул его Петер. – А то опоздаем на автобус!

Эта мысль никак не выходила у Джека из головы. Она мучила его и тогда, когда он снова копался в саду старушки Поттс.

«С какой это стати я не должен ненавидеть людей? – пытался он найти себе оправдание. – Они ведь все меня ненавидят. Меня постоянно выкидывали из дома и пинали по округе, как футбольный мяч. Семья Джарвисов тоже ведь поступит точно так же, как только я им надоем. С этой старушкой я хоть знаю, на что мне можно рассчитывать. У нас с ней есть много общего.»

Котята росли не по дням, а по часам. Спустя две недели они уже очень неряшливо лакали из блюдца жидкую овсяную кашу и учились пользоваться ящиком с песком. По вечерам старушка Поттс частенько выносила корзину на улицу, чтобы Джек, пока работал, мог присматривать за котятами. Каждый вечер ему теперь было позволено сжигать сорняки. Несмотря на все те оскорбления, которыми осыпала его старушка Поттс, работа понемногу начинала доставлять ему удовольствие.

Однажды вечером, когда он, опершись на лопату, наблюдал за дымом и искрами, поднимавшимися к небу, к нему подковыляла старушка Поттс.

В руке она держала хозяйственную сумку, доверху набитую книгами.

– Из-за всей этой живности у меня совсем не остается свободного времени, – пожаловалась она. – В последнее время я все никак не могу выкроить минутку и сходить в библиотеку. Завтра, прежде чем идти сюда, верни эти книги и возьми для меня новые. Только не приноси мне этих глупых детективов. Меня интересуют прежде всего книги на исторические темы и рассказы о путешествиях.

– А я не умею читать, – откровенно признался Джек.

Густые брови старушки сошлись на переносице.

– То есть, как это – не умеешь читать? – спросила она. – Тебе ведь уже лет двенадцать, так ведь?

– Я бы умел, если бы хотел, – пытался защититься Джек. – Но я не хочу!

Старушка Поттс набросилась на него, как кошка на мышь.

– Что ты сказал? Ты не хочешь читать? – закричала она возмущенно. – Но так ты упускаешь самое прекрасное в этой жизни. Люди в книгах не могут причинить тебе боль, поэтому их не надо ненавидеть. Я бы могла научить тебя читать, – добавила она уже тише. – Когда-то я была учительницей.

– И наверняка ужасной, – пробормотал Джек, освобождаясь из ее клещей.

– Конечно! – призналась она злорадно. – Я заставляла этих невоспитанных детей работать до потери сознания.

– Отцепитесь Вы от меня со своими книгами и чтением! – закричал Джек. И прежде, чем она успела его схватить, он выскочил на тропинку, где был уже вне пределов ее досягаемости.

Поздно вечером Джек уже лежал в кровати,

когда в его дверь постучали. Он выбрался из-под одеяла и распахнул дверь. Перед ним стоял почтальон.

– Можно мне войти? Я бы хотел немного поговорить с тобой, Джек, – сказал он.

Джек развернулся и сел на край кровати. По спине пробежал холодок.

«Он пришел, чтобы смягчить удар, – тут же решил Джек. – Они хотят отослать меня назад в детский дом».

Почтальон присел возле кровати.

– Сегодня меня вызвал к себе твой учитель, господин Перси, – начал он.

«Пожарная тревога!» – подумал Джек.

– Он немного волнуется за тебя, – продолжал господин Джарвис. – Он считает, что ты очень даже неглуп, но что-то мешает тебе добиваться в школе успехов.

Джек сидел, будто палку проглотил, и молчал.

– У меня к тебе одно предложение, – добавил господин Джарвис неожиданно. – Садовник господина Уайта повредил себе бедро, и мне предложили его место, пока он выздоровеет. Я вполне могу это делать после того, как разнесу почту. За три или четыре месяца я заработаю достаточно денег, чтобы купить тебе хороший велосипед. Если господин Перси доложит мне, что ты хорошо читаешь и усердно работаешь, я подарю его тебе.

«Собственный велосипед, новый и сверкающий! – сердце Джека подпрыгнуло в груди. – Но откуда же этот смешной коротышка узнал, что я мечтаю о велосипеде?»

– Ну как, согласен? – спросил почтальон. Джек медленно протянул свою руку и пожал руку коротышки.

На следующий вечер, подойдя к дому старушки Поттс, он застал ее греющейся на солнце, с котятками на коленях.

– Я тут поразмышлял немного над тем, что вы сказали о чтении, – начал он, – если хотите, можете меня научить.

– Я уже передумала, – отозвалась старушка. – Зачем я буду тратить свое драгоценное время на такого, как ты?

Джек не мог скрыть своего разочарования. Он не хотел, чтобы читать его учил господин Перси. Это означало признать себя побежденным.

– Ах, да ладно, бросьте вы это, – клянчил он. – Я бы тогда и дальше работал у вас два часа, а если бы я умел читать, то мог бы каждую неделю обменивать ваши книги.

– Приставучий же ты малый, – пробурчала старушка. – Берись лучше за работу!

Но когда костер в саду потух и котята были накормлены, она взяла с полки тонкую книжицу и сказала:

– Ну что ж, тогда возьмемся за дело.

Учиться читать у человека, подобного старушке Поттс, было дело весьма утомительным. Но так как между ними уже установилось взаимопонимание, Джек быстро начал делать успехи.

Внезапно оказалось, что уроки в школе были не такими уж и скучными. Джеку пришлось невольно согласиться, что учеба с помощью магнитофона и миникалькулятора была даже удовольствием. Он вдруг оказался на солнечной стороне – вплоть до того рокового воскресенья, на которое был назначен праздник воскресной школы.

Бомба в церкви

– Ты поедешь с нами в субботу к морю, Джек? – спросила Дженни Джарвис. Ее щеки пылали от возбуждения. – Наша воскресная школа едет на автобусе в Гастингс. Там очень-очень красиво.

– Едут не только дети, – вставил Петер. – Поедут и подростки, и молодежь из библейского кружка.

Идея поехать куда-то вместе с учениками воскресной школы показалось Джеку забавной. Но когда Петер описал ему всевозможные развлечения, какие там будут, он, после недолгих колебаний, решил поехать вместе с ними.

Приятно было на денек избавиться от старушки Поттс. Мирно покачиваясь в автобусе в окружении веселых людей, Джеку пришлось признать, что все это ему определенно начинало нравиться. Но когда они прибыли к морю, он отделился от шумной компании и в одиночестве отправился бродить по уютным улочкам курортного городка. Вскоре он наткнулся на спрятавшуюся в темном тупике лавку, в которой торговали игрушками и предметами для розыгрышей.

Целый час он с наслаждением рылся в ее товарах. Когда же он в конце концов покинул лавку, то сжимал в руке пузырек с этикеткой «Особозловонная бомба». Он даже за него заплатил.

«Эта поездка с воскресной школой оказалась не такой уж и бесплодной,» – думал Джек.

У него уже созрел неопределенный план взорвать свою бомбу на общешкольном собрании. «На тот случай, если господин Перси, видя, что я так много сейчас работаю, начнет считать, что прибрал меня к рукам.» На обратном пути он сидел рядом с чумазой и веселой Дженни.

«А она неплохая девчонка, – думал Джек, мягко укачиваемый автобусом, – и ужасно похожа на своего старшего брата, и болтает тоже, как он, без умолку.»

– Ах, завтра это все будет так здорово! – задыхалась от восторга Дженни. – Завтра в нашей церкви будет праздник воскресной школы, мы его проводим каждый год и мне тоже дали роль. Мы покажем спектакль об Иисусе Навине и стенах Иерихона, а я играю роль Роав. Петер будет сопровождать пение на гитаре. Папа и мама написали сценарий всего этого праздника, а приглашенный на него проповедник будет потом у нас обедать. Мама уже целую неделю готовит всякую вкуснятину.

Джек краем уха слушал ее болтовню и размышлял над только что возникшей у него идеей: «А что, если взорвать эту вонючку в церкви? Немного оживить все это мероприятие».

Но тогда ему самому пришлось бы нести пузырек в церковь – и мысль об этом отнюдь не приводила его в восторг. В то же время его уже давно мучило любопытство, чем же эти радостные люди занимались в своей жестяной церквушке. И поэтому в глубине души он был рад, что теперь у него появился повод самому все хорошенько разведать.

Как на зло, на следующее утро к тому времени, как Джек перешагнул порог церкви, она была

настолько переполнена, что свободное местечко нашлось лишь рядом с госпожой Диксон, – той самой, что так сильно оскорбила Джека в его первое воскресенье в Лонгфильде. Когда он опустился на скамью, она постаралась отодвинуться от него, как можно дальше. Тем не менее, лицо почтальона, стоявшего впереди, просияло, когда он увидел Джека.

Дженни очень хорошо сыграла свою роль, если, конечно, принять во внимание, что все актеры были дети. Все прошло просто замечательно. Хотя присоединиться к общему пению Джек счел ниже своего достоинства, но, тем не менее, был вынужден признать, что ему здесь нравилось. Он был уверен, что все богослужения должны быть скучными и обременительными, но невозможно было поверить, чтобы радостные люди боялись Бога. Все еще сжимая пузырек со «зловонной бомбой» в кулаке, когда первая половина богослужения подошла к концу, Джек решил, что не будет пускать ее в ход.

«Было бы жестоко испортить им праздник, – думал Джек, – уж слишком большое удовольствие он им доставляет.»

Катастрофа разразилась из-за тарелки для пожертвований. Госпожа Диксон, его старый враг, ткнула тарелку Джеку в бок с такой силой, будто это был штык, и выбила пузырек у него из рук. Джек тут же нырнул под скамью – но увы, напрасно: горлышко пузырька расколосось, и зловонная жидкость разлилась по полу. Почетный гость только-только начал свою проповедь, когда некоторые из сидящих в зале стали тревожно принохиваться. Потом один за другим стали извлекать носовые платки. Люди начали кашлять

и чихать. Первыми зал покинули ученики воскресной школы, сидевшие в первых рядах. Перешептываясь, последовали они к выходу. Вскоре из дверей один за другим стали выскакивать члены церкви, жадно вдыхая свежий воздух. Последним покинул церковь проповедник – сжимая в руке записи и закрыв платком рот.

Благодаря всеобщему смятению, Джеку удалось ускользнуть домой незамеченным. Забившись в дальний угол сарая, он с бешено колотящимся сердцем смотрел на грызущих морковь кроликов.

– Ты меня очень разочаровал, сынок, – раздался за его спиной спокойный голос. Джек не обернулся, и почтальон, подойдя, стал рядом с ним.

– Я ничего не имею против твоих проказ. Я ведь тоже когда-то был мальчишкой. Но твоя сегодняшняя выходка была какой угодно, только не остроумной. Для нас Бог важнее всего на свете. Именно Ему мы обязаны всем тем, что мы есть и чем мы стали. Ты же сегодня осквернил Его дом и испортил богослужение, которое дарило Ему радость.

Джек резко повернулся к почтальону. Он предпочел бы сейчас хорошую взбучку, лишь бы не видеть этого печального выражения на лице господина Джарвиса.

Настроение за обедом было совершенно подавленным. Гость старался ни полсловом не упоминать о богослужении. Но госпожа Джарвис была так расстроена, что все валилось у нее из рук. Пудинг был слишком вязок, в соусе к ростбифу было множество комков, а ванильный соус подгорел. Когда она в конце концов выскользнула из комнаты, чтобы заварить чай, то к столу уже не вернулась. Направляясь к двери, Джек увидел, что она стояла у раковины и плакала.

Петер уже ждал его в саду. Джек никогда еще не видел его в такой ярости.

– Ты вообще понимаешь, что ты натворил? – прохрипел он. – Эта старая лицемерка, рядом с которой ты сидел, сразу же после богослужения отправилась к пресвитерам нашей церкви и стала поливать папу и маму грязью. Она их так настроила против родителей, что папе, раз уж он не может воспитать даже собственную семью, запретили работать в воскресной школе и с молодежью. А ведь этой работой родители дорожили больше всего на свете! А потом это старое чудовище, оттеснив маму в угол, заявила ей, что это безнравственно – привозить сюда таких, как ты, которые в конце концов испортят всех детей в округе. Все это было бы, может быть, и смешно, если бы мама не приняла это так близко к сердцу. Теперь она плачет и никак не может успокоиться.

Джек снова направился к кроликам в сарай. Ему было настолько мутно, что он начал мерзнуть. В первые дни своего пребывания в Лонгфильде он часами размышлял над тем, как побольнее уязвить здешних обитателей. Ну, а теперь, когда ему это так превосходно удалось, он не чувствовал никакой радости. Все его проказы и шалости в этой деревне, в конечном счете, будто бумеранг, оборачивались против него самого.

Проповедник не стал дожидаться чаепития с изумительным пирогом, испеченным госпожой Джарвис специально для него, а поспешно уехал. Направляясь в свою комнату, чтобы переодеться для работы в саду старушки Поттс, Джек увидел своих приемных родителей, сидевших на диване. Одной рукой почтальон обнимал за плечи свою всхлипывающую жену, то и дело подносящую к

глазам платок. Джеку почему-то вспомнилась та забота, которой они окружили его, когда он лежал на этом же диване после крокетного матча с Тай-дехерстом.

И вдруг Джек сделал то, чего еще никогда в своей жизни не делал. Он пересек комнату, подошел к супругам и внезапно охрипшим голосом сказал:

– Простите меня. Я больше никогда так делать не буду.

Не переодеваясь, он выскочил за дверь и побежал к лесу.

– Он заговорил! – воскликнула госпожа Джарвис. Ее слезы тут же высохли.

– В первый раз он обратился к нам! – вторил ей ее муж.

– И было видно, что это шло от чистого сердца. Поэтому все было не напрасно. Какая разница, что думают о нас люди!

Когда Джек с тревожно замирающим сердцем вернулся после работы домой, то обнаружил, что, благодаря его покаянному извинению, в доме снова царил радостная атмосфера.

Когда они все собрались к столу на чаепитие со сказочным пирогом, Петер не смог удержаться от замечания:

– Как все-таки здорово, что мы теперь можем навалиться на пирог, не заботясь об учтивости и вежливости по отношению к гостю!

Госпожа Джарвис попыталась было укоризненно покачать головой, но все потонуло в раскатах веселого хохота. После чаепития Джек наравне со всеми другими членами семьи помогал вытирать посуду.

В деревне же спокойствие воцарилось далеко не сразу. В понедельник вечером проповедник

долго беседовал с супругами Джарвис. Джек сидел тихонько на своем чердаке и учил уроки. И тут он услышал непривычно громкий и резкий голос почтальона:

– А вам не кажется, что вместо того, чтобы его критиковать, нам надо о нем помолиться?

Дженни, вернувшись на следующий день из школы, снова застала мать в слезах. У нее с визитом побывала мадемуазель Диксон.

– Она требует, чтобы мы отослали Джека назад в детский дом, – поведала она дочери с возмущенным всхлипыванием.

За разговором никто не заметил, как Джек вошел в кухню. Он переступил порог как раз в тот момент, когда Дженни спросила:

– А почему мы вообще должны принимать в нашу семью таких, как Джек, если из-за этого все люди начинают на нас злиться?

Джек напряженно ждал ответа.

– Потому что это Бог послал его нам, доченька, – пояснила госпожа Джарвис. – Он ведь, знаешь ли, очень любит Джека.

– Неужели же Бог может любить такого злого мальчишку, как Джек? – недоверчиво спросила Дженни.

– Вот это-то и есть самое прекрасное, – был ответ. – Он любит его так же сильно, как и тебя, и Петера. Ему совсем не безразлично, что происходит с Джеком.

Джек беззвучно выскользнул через черный ход и направился к любимому лесу. Он уже не раз задавал себе вопрос, почему эта семья решила на такое безумие, взяла его к себе, и до сих пор, несмотря на его недружелюбие и упрямое молчание, не отправила его назад в детский дом. Они,

вероятно, просто воображали, что «замечательно справляются с трудными подростками».

Теперь же госпожа Джарвис утверждала, что они это делали потому, что его к ним в дом привел заботившийся о нем Бог.

Никто еще никогда о нем не заботился. Ни его мать-ирландка, ни его инспектор, и никто из всех тех бесчисленных людей, которые брали его на воспитание. Но неужели же Бог тогда действительно не такой, как они все? Неужели же госпожа Джарвис права? Воспитательница в детском доме сказала, что Бог ненавидит плохих людей и наказывает их. Кому же тогда верить?

В голове его роилось столько вопросов, что в этот вечер, во время урока чтения, он внезапно спросил у старушки Поттс:

– Может ли такое быть, чтобы Бог любил таких как Вы и я?

На лице старой дамы появилось такое выражение, как если бы она увидела гадюку.

– Этот негодный почтальон все-таки прибрал тебя к рукам, – пробурчала она. – Ну, а это тебе за твой глупый вопрос!

Джек не успел и глазом моргнуть, как она отвесила ему звонкую оплеуху.

Он украдкой потер покрасневшее ухо и углубился в чтение. С того вечера, мысль о том, что Бог, может быть его любит, целыми днями не давала ему покоя.

Над пропастью

Но вот пришел первый день летних каникул, самый лучший день в году.

– Ах, вот бы и нам куда-нибудь поехать в этом году, – мечтательно протянула Дженни. – Многие разъезжаются кто куда.

– В этом году у нас просто нет на это денег, малышка, – сказал господин Джарвис, – но послушайте, что мы можем сделать. Завтра я не работаю. Каждый из вас может пригласить кого-нибудь из своих друзей. Тогда мы все втиснемся в машину и отправимся на природу!

Дженни завизжала от восторга.

– Я приглашу Энн, – сказала она и выскочила из дома, чтобы подкрепить слова делами.

Джек был в растерянности. У него не было друга, которого он мог бы пригласить. Тут его глаза встретились с глазами Петера. Он почувствовал, что тот его понял.

– Ну, а я тогда приглашу, в качестве друга Джека – если он, конечно, на это согласен, – сказал Петер, широко улыбаясь, – да и места в машине у нас тогда будет побольше.

Джек почувствовал облегчение, но в то же время и злость на Петера. На следующий день они рано утром отправились в путь. Дженни и ее подруга Энн, недосчитывавшаяся нескольких зубов,

хихикали всю дорогу. Когда же они прибыли на место, то все согласились, что ради этого стоило проделать такой дальний путь. Они были в заповеднике, привольно раскинувшись на заросших густым лесом холмах. С высоких утесов открывался вид на пролив Ла Манш.

Родители, девочки и Хэппи, собака Джарвисов, были довольны пребыванием на пляже, усыпанном галькой. Петер и Джек пустились в многокилометровое исследовательское путешествие. Это было действительно здорово! Что-то делать вдвоем ведь намного интереснее, чем одному. Джек втайне желал, чтобы этот день никогда не кончился. После пикника мальчишки решили отправиться за покупками в магазинчик возле автостоянки. Джек вдруг почувствовал такую благодарность по отношению к Петеру, что решил сделать ему приятное. Он подождал, пока Петер с головой уйдет в просмотр путеводителей и брошюр, и, удостоверившись, что никто не смотрит в их сторону, доверху набил карманы сладостями, лежавшими на полках.

– Слушай, давай пойдем вдоль реки по течению, – предложил Петер, когда они вышли из магазина. – Может, увидим пару цапель.

– У меня есть кое-что для тебя, – гордо сказал Джек и хвастливо выложил все сладости на стоявший под деревьями маленький столик.

– Спасибо! – облизнулся Петер. – У тебя действительно куча денег, если ты можешь позволить себе такое.

– Ну, покупать я их не собирался, – усмехнулся Джек.

Петер наморщил лоб:

– Не хочешь ли ты сказать, что ты их украл?

– Ясное дело! – беззаботно отозвался Джек. – Все так делают. Продавцы должны лучше смотреть за своим товаром, если не хотят, чтобы у них что-то украли!

Петер, казалось, вопреки своему обыкновению, лишился дара речи. Он не знал, что и возразить на это. Внезапно на столик легла чья-то тень, и оба мальчика, сознавая свою вину, одновременно взглянули вверх. Это был почтальон.

«Ну, естественно, как же могло быть иначе», – огорченно подумал Джек, стараясь прикрыть сладости полой куртки.

– Ты за все это заплатил, Джек?

– Разумеется!

– Джек! – сказал спокойно почтальон.

Мальчик начал уже всерьез злиться: «Этот нелепый коротышка читает чужие мысли!»

– Но ведь все так делают! – повторил он запальчиво.

– Ты стал членом нашей семьи и поэтому прекрати воровать! – сказал господин Джарвис с тоном, который Джеку еще не приходилось от него слышать. – Сейчас мы все это отнесем в магазин, и ты извинишься.

– Ха-ха-ха, ну и шутник же вы! – отозвался Джек.

– Нет, в этот раз я говорю совершенно серьезно, – твердо сказал господин Джарвис.

«За кого он меня вообще принимает? – взволнованно подумал Джек. – Ростом он ничуть не выше меня. Как же он собирается заставить меня делать то, чего мне не хочется?»

Но настойчивый взгляд этих глаз, казалось, пронизывал Джека насквозь. Ему не оставалось ничего другого, как снова собрать конфеты и

вслед за ним отправиться в магазин. Три месяца назад такое не могло ему присниться и в самом дурном сне.

Следующие несколько минут были для всех участников ужасно мучительными. Владелец магазина сказал, что не заявит на Джека в полицию, потому что он вернул сладости. И тем не менее, Джек был готов выцарапать ему глаза. Когда все, наконец, закончилось, он пулей выскочил из магазина. Так было здорово целый день быть с Петером, как с другом, но сейчас же, он снова сам себе все испортил. Петер, наверняка, больше не захочет с ним водиться. Он бросился бежать по тропинке, ведущей к вершине утеса.

– Дай ему побыть одному, Петер, – сказал почтальон мягко. – Ему нужно сначала успокоиться. Он обязательно вернется, если мы оставим его в покое.

Джек так хотел, чтобы Петер пошел за ним! «Сегодня вечером они наверняка позвонят инспектору Льюису, – размышлял он подавленно. – Сейчас-то они точно не захотят, чтобы я и дальше оставался у них.»

У него и в мыслях не было бросаться вниз с утеса. На это у него никогда бы не хватило мужества. Джек просто хотел причинить боль семье Джарвисов, вселить в их сердца тревогу. Он стоял на самом краю. Далеко внизу рокотало и пенилось море. Справа виднелись фигурки людей на берегу.

«Когда-нибудь им все-таки придется идти меня разыскивать», – с горечью подумал он. Так и получилось. Когда солнце начало медленно погружаться в море, он увидел почтальона и его сына, шагавших вверх по тропе.

«Я подожду, пока они подойдут близко, а потом

сделаю вид, что хочу броситься с утеса, – думал он. – Вот тогда они обо всем пожалеют!»

Но все произошло далеко не так, как задумал Джек. Медленно подойдя к самому краю, он внезапно потерял равновесие. Он отчаянно пытался хоть за что-нибудь уцепиться. К счастью, этот склон утеса был не отвесным. Джек пролетел всего пять метров и оказался на маленьком уступе,

где гнездились чайки. Он перекатился через край уступа, но в последний момент смог ухватиться за маленький куст.

Корни у куста были совсем коротенькие – и было просто чудо, что он вообще мог выдержать вес такого большого мальчика. Вися таким образом над морем, Джек заметил, что корни куста один за другим начинали показываться из земли. Тут над ним замаячили два лица – белее, чем меловые глыбы утеса.

– Я больше не могу! – завопил Джек, объятый смертельным ужасом.

– Беги за подмогой, Петер! – приказал почтальон. – Я спущусь и подниму его на уступ.

– Так не пойдет, папа, – запротестовал Петер. – Это же чистое самоубийство!

– Он продержится, в лучшем случае, еще две минуты, – возразил отец. – Не могу же я сидеть и наблюдать за тем, как он сорвется!

Не говоря ни слова, Петер помчался вниз.

– Крепче держись, сынок! Я уже иду! – закричал человек, которого Джек раньше так презирал.

Без страховки, и не имея навыков в скалолазании – это был неслыханно рискованный поступок. Джек сознавал, что почтальон рискует своей собственной жизнью. В то же время он чувствовал, как судорога сводит мышцы его рук. Стоило немного пошевелиться, как кустик начинал угрожающе трещать. Далеко внизу волны с грохотом разбивались о скалы. Море с нетерпением ожидало их обоих.

Сантиметр за сантиметром спускался почтальон все дальше вниз. Он всем телом прижимался к скале и в то же время не замолкал ни на минуту, стараясь успокоить Джека.

Чудом оказавшись на выступе, спиной прижимаясь к скале, он вытащил Джека, почти парализованного от страха.

– Вообще-то тебя надо было бы сейчас хорошенько выпороть, – сказал он с улыбкой, когда зубы Джека наконец перестали выбивать лихорадочную дробь, – но боюсь, что тогда мы оба очутимся в море.

Джек удивленно посмотрел на него. Этот человек смеялся так, как если бы сидел, лакомясь мороженым, на пляже. Он уже не раз задавал себе вопрос, что могли все эти здоровые парни, собиравшиеся у них в доме по субботам, найти в этом нелепом коротышке? Сейчас он знал на него ответ.

«Он отважен, как лев!» – подумал Джек и при этом крепко-крепко зажмурил глаза.

Благодаря быстрым ногам Петера команда спасателей не заставила себя долго ждать. Вскоре все они уже шагали по тропинке вниз, к морю.

– Об одном я вас прошу: матери об этом ни слова! – обратился к ним почтальон. У всех троих кружилась голова от облегчения. По дороге домой они шутили без остановки и смеялись над каждым пустяком.

– Такое впечатление, что вы что-то натворили, – подозрительно покосилась на них госпожа Джарвис. – Вы ведете себя хуже, чем девочки. И как только не стыдно вам, взрослым мужчинам, так глупо хихикать?

– Спокойной ночи, сынок, – сказал почтальон позже. Почувствовав руку на своем плече, Джек понял, как же страстно он хочет стать настоящим членом этой необычной семьи.

Трагическое происшествие

Во время летних каникул у Хэппи, собаки семьи Джарвисов, должны были появиться щенки. Хэппи была всеобщей любимицей семьи. Госпожа Джарвис получила ее в подарок от женщины, за чьим ребенком она некоторое время присматривала. Тогда Хэппи была еще щенком. Эта женщина увлекалась собаководством и ее шелти принимали участие в выставках собак по всей стране.

– Двух щенков нам придется отдать ей, – прошептала Джека Дженни, – но на других мы сможем заработать кучу денег. Папа говорит, что если все пойдет, как надо, то в следующем году мы сможем съездить в отпуск. Будем надеяться, что у нее будет много щенков.

Хэппи любила Дженни больше всех остальных членов семьи. Не успевала та, возвращаясь из школы, открыть калитку, как собака со всех ног мчалась ей навстречу. Джек же, после того происшествия с рыжим сеттером, так и не мог заставить себя притронуться ни к одной собаке.

Визиты Джека в хижину старушки Поттс недолго оставались тайной. Сейчас, на каникулах, голова Петера больше не была занята лишь уроками и спортом. Однажды, когда Джек копался в саду среди колючек, на тропинке появился Петер и застыл, как пораженный громом, у садовой калитки.

– Слушай, да это же почти чудо, что ты здесь сделал! Все теперь приведено в такой порядок! Я и не знал, что ты хотел немного подработать!

Потом, понизив голос, добавил:

– Поговаривают, что старушка прячет здесь кучу денег. Тебе-то она хоть прилично платит?

– Да, очень хорошо, – ответил Джек, – но она сейчас выскочит и устроит мне нагоняй, если я буду часами с тобой болтать.

– Хорошо, хорошо, – откликнулся радостно Петер, – но когда ты тут закончишь, то пойдем вместе на спортплощадку, а? В следующем учебном году на очереди будет футбол, и я мог бы тебя немного потренировать.

Джек с трудом переводил дух от радости, смотря вслед Петеру, который, сопровождаемый Хэппи, скрылся в лесу. Неужели же Петер, даже после всего, что было, все равно хотел с ним дружить?

В этот вечер Петера ожидал сюрприз. После получасовой тренировки на спортплощадке он понял, что Джеку в вопросе футбола добавлять уже нечего. Красный, потный, он опустил на траву, чтобы немного отдохнуть.

– Да, тут уж ничего не скажешь, – тяжело дыша признался он. – Ты знаешь, как надо обращаться с мячом. Но почему ты скрывал, что умеешь так хорошо играть? В этом ты на голову выше всех твоих одноклассников, а может даже и ребят из старших классов.

За те несколько часов, что они провели на спортплощадке, Джек окончательно покорила Петера. Независимо от того, где и как он стоял, Джек мог мгновенно развернуться и ударом левой или правой ноги послать мяч точно в ворота. Но как только на спортплощадке появился какой-то

чужой мальчишка и захотел присоединиться к ним, он перекинул мяч Петеру и побрел прочь.

– Что-то мне уже неохота, Петер. Пока!

Для своего окота Хэппи выбрала самый неподходящий момент. Это произошло в субботу вечером, когда в доме собралась вся молодежь. Джек теперь тоже принимал участие в этих собраниях и даже выучил несколько песен. Не пропускал он и богослужений. Он уверял себя, что приходит туда лишь для того, чтобы позлить госпожу Диксон, которая не спускала с него глаз. Но в глубине души он знал, что его тянет туда потому, что он хочет побольше узнать о Боге.

У молодых людей только-только завязалась очень интересная дискуссия о том, как и каким образом Бог говорит с людьми. Джек услышал, что Бог радуется, когда люди обращаются к Нему с какой-либо просьбой. Господин Джарвис сказал, что можно даже просить Бога о каком-либо знамении или знаке, чтобы знать, что Бог о тебе заботится. Внезапно сверху раздался голос Дженни:

– Скорее, скорее, началось!

Хэппи души не чаяла в Дженни, и поэтому стоило ли удивляться, что именно ее кровать она и избрала как самое подходящее место для появления на свет своих щенков. Щенки рождались один за другим, в течение всей ночи. Никто в семье всю ночь не сомкнул глаз, хотя Хэппи со всем замечательно справлялась одна. На рассвете нежилась пять маленьких щенков возле своей матери.

Все обитатели дома разбрелись по постелям, чтобы еще хоть пару часов поспать. Дженни забралась в спальный мешок, уложенный на полу перед кроватью с ее новыми любимцами. В следующие восемь дней не случилось ничего особенно-

го. Щенки все были здоровы, а Дженни была от них просто без ума. Но потом произошло ужасное. Это был понедельник, солнце перевалило за полдень, и Джек изнывал от скуки. Утро он провел у старушки Поттс. Теперь же ему совершенно нечем было заняться, кроме, как сидеть и ждать возвращения Петера от зубного врача, куда тот отправился вместе с матерью и сестрой. Джек направился в деревню, а потом к крокетному полю, чтобы посмотреть, заросли ли уже проплешины. На другой стороне деревенской площади он увидел господина Джарвиса, подстригавшего кусты вокруг дома полковника Уайта. Подойдя ближе, он заметил, что почтальон уже падал с ног от жары и усталости. На собственном опыте Джек уже познал всю тяжесть работы в чужом саду.

– Давайте я буду сгребать обрезанные ветви в кучу, – предложил он, пройдя через кованые чугунные ворота, выйдя в ухоженный сад.

– О, большое спасибо! – обрадовался почтальон. Они вместе в полном молчании взялись за работу. Каждый думал о чем-то своем. Почтальон был человек очень обходительный, и в его обществе Джек всегда чувствовал себя совершенно привольно.

Но внезапно мирная тишина этого предзакатного часа была нарушена. Дверь веранды с грохотом распахнулась, и к ним через лужайку энергично направился коренастый полковник.

– Джарвис! – крикнул он. – Сейчас же выгоните мальчишку из моего сада! Я знаю, это именно он испортил наше игровое поле. Если вы еще хоть раз приведете его сюда, я немедленно вас рассчитаю. Вам ясно?

– Тебе, Джек, лучше отсюда уйти, – сказал поч-

тальян дружелюбно, взглянув вслед направившемуся к гаражу полковнику. – Если я потеряю это место, то не смогу купить тебе велосипед!

– Как же я его ненавижу! – прошипел Джек сквозь стиснутые зубы.

– Ты не прав, – мягко сказал почтальон. – Бог любит его точно так же, как Он любит и старушку Поттс.

– Ха-ха! – выкрикнул Джек и захлопнул за собой чугунные ворота.

Он был уже у самого дома, когда услышал шум нагоняющего его автомобиля. Это был полковник. Судя по его красному лицу и бешеной скорости, с которой он мчался, полковник был все еще в плохом настроении. Джек слишком поздно заметил Хэппи. За все эти дни она впервые оставила своих малышей и вышла на улицу. Вообще-то она искала Дженни.

– Хэппи, осторожно! – в ужасе закричал Джек, но было поздно. Машина со всей скоростью налетела на маленькую собачку.

– Проклятая собака! – закричал полковник, нажав на тормоз. И тут же обрушился на Джека: – Следить надо за своими собаками!

Автомобиль умчался. Джек же стоял, не в силах пошевелиться, смотря на Хэппи. Она была мертва, но он не хотел, чтобы Дженни нашла ее тут. Бережно перенес он собаку в сад и принес из сарая лопату. Копать пересохшую землю было делом непростым, но когда у калитки послышался шум мотора машины Джарвисов, Хэппи была уже похоронена.

«Как же я скажу об этом несчастному ребенку?» – думал Джек. Во рту у него пересохло. Но тут он увидел входящего господина Джарвиса.

– Ты не заваришь мне чая, дорогая? – попросил он, вытирая пот с красного лица. – Я просто валяюсь с ног.

– Можно тебя на два слова? – спросил Джек.

– Что случилось, сынок? – дружелюбно спросил мужчина, взглянув Джеку в лицо. Джек отвел его к могиле Хэппи и рассказал обо всем, что произошло. После этого они вместе вошли в дом, чтобы сообщить семье эту ужасную новость.

Дженни неподвижно застыла на диване, изо всех сил стараясь не расплакаться.

– У меня ведь есть еще щенки.

Потом она сжалась, как от удара, и побледнела.

– Смогут ли они выжить без матери?

– Боюсь что нет, доченька, – мягко сказала госпожа Джарвис. – Будет лучше, если папа положит конец их страданиям. Мы ведь не хотим, чтобы они мучились, не так ли?

– Нет-нет, не делайте этого! – поспешил вмешаться Джек.

– Но мы просто не в состоянии их выкормить, – сказал почтальон. – У нас ведь нет никакого опыта в обращении с щенками.

– Но у меня он есть! – твердо заявил Джек. – Пожалуйста, дайте мне хоть один шанс!

– Да-да, пусть он попробует! – в отчаянии попросила Дженни.

В этот раз Джек мчался по лесу так быстро, как никогда еще в своей жизни. Старушка Поттс, вырванная из объятий послеобеденного сна, была далеко не в восторге от его визита.

– Собака попала под машину, – с трудом вымолвил запыхавшийся Джек. – Как вы думаете, можно ли выходить маленьких щенков так же, как вы выходили котят?

– Откуда мне это знать? Я терпеть не могу собак! – набросилась она на него.

– Гм, а не одолжите ли вы мне пока бутылочку и оставшуюся молочную смесь, а завтра я поеду в город и куплю новые?

– Бери что хочешь! – ответила старушка. – Но только оставь меня в покое!

Первый раз в жизни Джек принял на свои плечи груз ответственности. Он разыскал подходящий ящик и попросил госпожу Джарвис наполнить грелку водой, определенной температуры. Он послал Дженни за одеялом для кукол и показал Петеру, как нужно стерилизовать приспособления для кормления. Он осторожно развел смесь водой и показал Дженни, как пользоваться пипеткой.

– Пока они маленькие, никогда не давай им больше трех пипеток за раз, – наставлял он ее тоном знатока, – а то они лопнут.

Когда в заключении операции по кормлению он протер животики щенков смоченной в теплой воде губкой, восхищению всей семьи не было предела.

– Ах, какой же ты молодчина, Джек! – сказала госпожа Джарвис, когда они внесли ящик в теплую кухню.

– Их надо кормить через каждые два часа, и ночью тоже, – сказал Джек. – Мы можем делать это по очереди.

Щенки, казалось, были совершенно довольны своей жизнью. Все члены семьи были так заняты, что, казалось, ни у кого и времени не оставалось, чтобы горевать о Хэппи. И все равно вечером Джек увидел, как Дженни, присев перед ящиком, прижимала к груди щенков и горько рыдала.

– Но у тебя же есть еще малыши, – резко сказал он. И тут, к своему полному смущению, он почувствовал, как на его руку легла рука Дженни.

– О, Джек! – сказала она. – Если бы не ты, не знаю, смогла ли бы я пережить сегодняшний день!

Джек тут же стряхнул ее руку, но сердце его наполнило какое-то незнакомое ему теплое чувство.

В эти летние каникулы у Джека было столько дел, что на проделки просто не оставалось времени. Каждое утро он отправлялся к старушке Поттс.

Приведя сад в идеальный порядок, он взялся за покраску оконных рам и дверей. Когда он однажды попытался заикнуться о том, что время его отработок вообще-то уже подошло к концу, она ухватила его за ухо и заявила:

– Теперь ты отработываешь за уроки чтения, мой дорогой! Давай принимайся за работу!

Но так-как за это время он успел привязаться к старушке, то и возражать особо не стал.

Спасением щенков Джек завоевал безраздельное восхищение и безграничную преданность Дженни. Под его руководством девочка успешно выхаживала щенков. Ни она, ни Джек не знали ни минуты покоя, пытаясь сохранить мебель от любознательных малышей. У Дженни совсем не оставалось времени, чтобы горевать о Хэппи.

Если Петер и Джек не играли в футбол, они отправлялись на рыбалку или плавательный бассейн. Между ними установились довольно необычные взаимоотношения. Джек почти все время молчал, Петер же говорил без умолку. Но скучать в эти летние деньки не приходилось ни одному, ни другому.

Джек, возможно, был бы даже счастлив, если бы ни мысль о том, что ему нельзя сильно привязываться к семье Джарвисов, не сидела занозой так глубоко в его сердце.

«А то мне будет еще больнее, когда они надумают вернуть меня назад в детдом», – думал он.

Война с Паркером

В начале сентября, на одном из уроков чтения, старушка Поттс неожиданно сказала:

– Твой учитель будет очень тобою доволен, когда в школе снова начнутся занятия.

Джек был вынужден признаться, что действительно с радостью ожидает начало учебного года. Но спустя всего неделю, жизнь Джека изменилась до неузнаваемости. Придя в школу, он узнал, что господин Перси будет теперь преподавать в другом классе. С отстающими же учениками отныне должен был заниматься новый широкоплечий преподаватель по имени Паркер.

Первое, что сделал новый преподаватель, – это запер в шкафу все микрокалькуляторы и магнитофонные записи учебного материала и извлек из другого шкафа грудку потрепанных учебников.

– Слушайте меня внимательно, тупое стадо, – в голосе Паркера звучала угроза, – алфавит и таблицу умножения я вколочу в вас старыми испытанными методами. Школу вы покинете не раньше, чем научитесь читать и считать. Всем ясно?

Джек возненавидел его с первой же секунды, а поэтому демонстративно положил ноги на парту и вытащил сигарету. Над ним тут же угрожающе нависла громоздкая фигура господина Паркера.

– Я подробно ознакомился с твоим делом, Джон-

сон, – сказал он, а взгляд его покрасневших глаз, казалось, пронзил Джека насквозь. – Я тебе еще вправлю мозги, мой милый!

«Значит, по рукам, – думал Джек, глядя на растоптанную каблук Паркера сигарету. – Я тебе тоже спуска не дам.»

С этого дня между ними двоими начались открытые военные действия. Джек не выполнял ни одного задания господина Паркера. Не давал он работать и другим. И все же иногда, когда из окна школьного автобуса Джек видел почтальона, сгребавшего в кучу опавшую листву в саду полковника Уайта, его овладевало отчаяние при мысли об обещанном велосипеде.

На уроках физкультуры ситуация была аналогичной. Джек знал, что в футбол он умеет играть лучше всех своих одноклассников, но почему-то всячески скрывал это от физрука, господина Рэнсона. Учитель постоянно на него кричал, но толку от этого не было.

– Почему ты ведешь себя так глупо, Джек? – спросил его Петер, когда они однажды встретились в школьном коридоре. Джек слонялся там из конца в конец, хотя вообще-то должен был быть на футбольном поле. – Возможно, когда-нибудь ты мог бы играть за команду Англии, если бы ты не был таким глупцом!

Раздражение господина Паркера росло изо дня в день.

– Этого Джонсона следовало бы отправить в спецшколу для детей с отклонениями! – бушевал он однажды в учительской. – Он просто невыносим!

– Я, пожалуй, не вполне с вами согласен, – откликнулся господин Перси, наливая себе кофе. –

У меня к концу учебного года он начал довольно усердно заниматься!

– Да вы, молодые учителя, все на одно лицо! – взревел господин Паркер, и его затылок стал багровым. – Вы слишком снисходительны! В этом-то и порок современного воспитания! Я сейчас же иду к директору и поговорю с ним о переводе Джонсона!

Он с грохотом захлопнул за собой дверь, оставив господина Перси в тревожном недоумении.

На следующий день, когда во время урока физкультуры Джек снова слонялся по коридору, ему в голову пришла великолепная идея, как можно лучше убить время. Он отыскал карточки из белого картона и на каждой написал: «Неисправен. Пользоваться запрещено!» Потом он быстренько прикрепил их на дверях всех туалетов в здании школы. Всеобщее замешательство было поистине огромным, и Джек не стал скрывать, что это дело его рук, только бы увидеть выражение лица господина Паркера.

– Ты немедленно пойдешь со мной к директору, дорогой, – закричал тот и потащил Джека по коридору.

Директор, как оказалось, не только обладал чувством юмора, но и был рассержен на господина Паркера. Когда они переступили порог его кабинета, он сказал:

– Еще вчера вы, Паркер, заявили мне, что мальчик умственно-отсталый. Но если это так, то как же он смог так четко и причем много раз написать «Неисправен. Пользоваться запрещено!»? Тем не менее, Джонсон, по настоянию господина Паркера я записал тебя на прием к школьному психологу.

Прочитав с видимой неохотой Джеку нотацию, он коротким взмахом руки отпустил их.

Очутившись снова в коридоре, господин Паркер сказал:

– Слушай меня внимательно, Джонсон. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы ты очутился в интернате для детей с отклонениями – даже если это будет последним распоряжением, которое я подпишу в этих стенах. Для меня это будет великим удовольствием – сделать так, чтобы и духу твоего здесь не было.

Джек дерзко рассмеялся, хотя ему было совсем не до смеха. Что с ним станет, если ему придется покинуть Лонгфильд, семью Джарвисов, старушку Поттс, лес и щенков? Он заперся в раздевалке и первый раз в своей жизни начал молиться: «Бог, если Ты меня правда любишь, сделай так, чтобы у них из этого ничего не вышло!»

– Что с тобой сегодня? – проворчала старушка Поттс. Уже темнело и они сидели у пылающего камина, для которого Джек нарубил дров. Был урок чтения, но буквы расплывались у Джека перед глазами.

– Не знаю, буду ли я и дальше приходить сюда читать? – отозвался Джек уныло.

– Это еще почему? – набросилась на него старушка.

– В этом просто нет никакого смысла, – пояснил он. – Они хотят отправить меня в приют для детей с отклонениями.

Старушка Поттс отвела душу в нескольких замысловатых ругательствах, а потом спросила о причине подобных намерений.

– Все дело в том, – пояснил Джек, – что в этом учебном году наш новый учитель меня возненави-

дел, как, впрочем, и я его. А так как я ничего не хочу на его уроках делать, то он позаботился, чтобы пришел какой-то психолог, и меня потом исключили из школы.

– А ты так глуп, что действительно этого заслуживаешь! – проскрипела старушка Поттс.

– То есть как это? – спросил Джек обескураженно. – Я ведь уже умею хорошо читать, или нет?

– Никто не говорит, что ты этого не умеешь, – набросилась она на него в ответ. – Но, отказываясь работать, ты своими руками расчищаешь этому тирану путь. Ты ведь можешь все устроить так, что, показав все, что умеешь, ты выставишь учителя полным глупцом. Увидев твои тетради, этот твой психолог непременно выскажет твоему учителю все, что он о нем думает, раз из-за него он потерял впустую столько времени. Это самый лучший способ отомстить ему, – заключила она и начала возбужденно шуровать кочергой в камине.

Чем дальше Джек размышлял над этим планом боевых действий, тем больше он ему нравился.

На следующий день господина Паркера ожидал в школе сюрприз. Не успел он раздать тетради, как Джек раскрыл свою и углубился в работу. Весь день он просидел за своей партой и выполнил огромное количество заданий и упражнений. К вечеру господин Паркер пришел в состояние безмерного удивления и растерянности.

Война между ними не затихала. Господин Паркер отводил душу, давая Джеку задания, которые считал для того непосильными. Джек, в свою очередь, учился так, что ему казалось, что его голова вот-вот лопнет, но всегда находил правильные ответы или решения. Он получал домашние задания, над которыми сидел целыми часами. К уро-

кам он готовился у старушки Поттс, которая ему в этом с удовольствием помогала.

Директор школы проинформировал господина Джарвиса, что четвертого декабря у Джека состоится беседа с психологом. С Джеком господин Джарвис не обмолвился об этом ни единым словом. Однако же, в тот день утром, разнеся письма и проводив взглядом скрывшийся за поворотом школьный автобус, он вознес к небу короткую молитву о Джеке.

Психолог оказался невысоким, плотным мужчиной с веселыми искорками в глазах. Когда в 11 часов Джека провели в его кабинет, у него тут же исчез всякий страх перед ним.

– Присаживайся, – дружелюбно обратился к нему психолог. Он шелестел множеством папок, писем, школьных тетрадей и свидетельств, на которых было написано имя Джека.

– Создается впечатление, что господин Паркер немного обеспокоен по твоему поводу, – сказал он наконец. – Как ты думаешь, почему?

– Господин Паркер – хам, – спокойно пояснил Джек.

За те десять минут, которые психолог этим утром провел в беседе с Паркером, он пришел к выводу, очень сходному с этим выражением.

– Но ведь в прошлом учебном году ты довольно неплохо ладил с господином Перси? Тут вот у меня лежит его рапорт, в котором он пишет, что с определенного момента ты начал усиленно заниматься. С чего бы это?

Психолог нравился Джеку все больше, поэтому он сказал:

– Мой приемный отец пообещал подарить мне велосипед.

Психолог дружелюбно улыбнулся. Джек почувствовал, как исчезла последняя напряженность, и он играючи выполнил все задания, которые за этим последовали. Веселый толстяк, просмотрев работы Джека за последнее время с огромным интересом, тихонько присвистнул, пожал Джеку руку и отослал его назад в класс.

– Ну, каково ваше мнение об этом мальчишке? – спросил его директор, когда они позже встретились за чашкой кофе.

Психолог усмехнулся:

– Ему действительно нечего делать в классе для отстающих! – сказал он. – Его коэффициент интеллектуальности минимум 115, а читает он лучше, чем некоторые 15-летние. Не удивлюсь, если в аттестате у него будут самые высокие оценки. Но вот Паркера, – он резко поставил чашку на стол, – я на вашем месте, не стал бы здесь держать даже на должности ночного сторожа.

Коричневый конверт в свой почтовый ящик почтальон опустил собственноручно, но ему не хватало духа открыть его до тех пор, пока после обеда он не уединился со своей женой в гостиной.

– Это из школы, – сказал он, взволнованно теребя конверт. – Я знаю их конверты. Они, наверняка, пишут, что Джека придется поместить в интернат для детей с отклонениями. По этому поводу с ним в понедельник беседовал психолог.

– Но мы ведь ни в коем случае не можем допустить, чтобы его от нас забрали, не так ли? – подавленно спросила его жена.

– С ним, конечно, было намного труднее, чем со всеми другими детьми, которых мы брали на воспитание, – вздохнув, сказал он. – И все равно мне бы его не хватало, если бы они его у нас забрали.

Он прочитал письмо про себя, а потом протянул его через стол своей жене. Ах, как жаль, что Джек не видел выражение облегчения, появившееся на лице госпожи Джарвис!

К тому времени, когда школьный автобус появился на центральной площади деревни, почтальон уже закончил работу в саду полковника Уайта. Он поставил свою старую машину возле автобусной остановки. Когда Джек и Петер вышли из автобуса, он опустил стекло и позвал:

– Садитесь-ка, ребята, мы едем назад в город.

Он отказался отвечать на какие-либо вопросы. Спустя полчаса, они стояли в лучшем велосипедном магазине округи, и через десять минут Джек стал гордым обладателем гоночного велосипеда с рамой из сверхлегкого металла и звонком с двумя мелодиями.

Футбольный матч

Время от времени Джек задумывался над своей молитвой отчаяния там, в школе. Она была услышана, и причем таким чудесным образом, что в один из воскресных вечеров, сидя в кругу молодежи, он даже тихо прошептал: «Спасибо». Этим вечером руководил один юноша из городской церкви. Читая доклад, он заикался и сбивался, но, услышав слово «усыновление», Джек прислушался.

– Бог любит нас так сильно, – заикаясь, говорил докладчик, – что желает усыновить каждого из нас, чтобы мы стали Его детьми. Быть принятым в семью – еще прекраснее, чем в ней родиться. Это значит, что кто-то очень-очень любит тебя, если решает усыновить тебя. Меня самого усыновили в шесть лет – и это стало переломным моментом в моей жизни. Я знал, что отныне и навсегда я стал членом моей новой семьи, что здесь меня окружают заботой и вниманием и будут любить совершенно по-особому.

После этих слов Джек уже больше не слышал докладчика. Сколько он себя помнил, он всегда мечтал о том, чтобы его усыновили. Господин же Льюис однажды совершенно однозначно дал ему понять, что он для этого не подходит. Неужели же Бог тоже счел бы его неподходящим? После доклада все пили горячий какао и ели испечен-

ный госпожой Джарвис пирог. Джек подошел к докладчику и спросил его просто:

– Что нужно сделать, чтобы Бог меня усыновил?

– Его нужно только об этом попросить, – прозвучал уверенный ответ.

– Я, вообще-то, уже много всяких глупостей наделал, – пояснил Джек. – Что подумает Бог о человеке с таким прошлым, как у меня?

– Но, каждый, кто хочет, чтобы Бог его усыновил, – ответил ему юноша, – должен сначала рассказать Ему обо всем том плохом, что он сделал, и если он действительно в этом раскаивается, то Бог простит его. И сделает это потому, что Его Сын Иисус Христос вместо нас был наказан за наши дурные дела и мысли. (1-е послание Иоанна 1, 7-9)

«Это как семья Джарвисов простила мне тот случай со зловонной бомбой», – подумал Джек. Ком, появившийся в его горле, становился все больше.

– Так значит, это и все, что я должен сделать, и тогда Бог усыновит меня? – спросил он.

– Так точно, – улыбнулся докладчик. – Бог ждет. Когда же ты к Нему придешь? Если хочешь, можешь сделать это прямо сейчас.

– Давай, Джек, сделай это, – подбодрил его Петер, стоявший неподалеку. – Я это уже сделал в прошлом году.

– Нет, нет, – быстро сказал Джек. – Я еще не знаю, имеет ли все это отношение ко мне лично. Я не хочу стать посмешищем, чтобы потом убедиться, что Бог меня отверг.

Он, оставив своего собеседника стоять в недоумении, поднялся в свою комнату.

«Откуда мне знать, Бог, что у Тебя серьезные

намерения? – молился он. – Такого, как я, Ты ведь точно не можешь любить».

Он всегда считал, что размышлять о Боге или об Иисусе Христе было занятием бесполезным, теперь же, казалось, что это стало самым важным в его жизни. Он выключил свет и еще несколько часов пролежал без сна, погружившись в размышления.

Когда на следующее утро Джек проснулся, все для него было совершенно ясно. Ему нужно было какое-нибудь однозначное знамение, чтобы он мог поверить, что это все не было простой выдумкой Джарвисов и их друзей.

«Бог, если они меня отсюда не выкинут, – молился он, одеваясь, – тогда я буду знать, что все это правда. Тогда я приду к Тебе и признаюсь во всем, что я натворил. Я попрошу Тебя, простить меня и усыновить».

Вот так просто решил Джек эту проблему. Теперь он спокойно ждал, что же случится дальше.

Радость от возможности влиться в нормальный школьный коллектив была еще больше, чем Джек мог себе представить. Тем не менее, проблема с господином Рэнсоном и уроками физкультуры оставалась все еще нерешенной.

– Петер Джарвис рассказал мне, что вне урока физкультуры ты просто настоящий футбольный асс, – пожаловался разочарованный учитель. – Почему бы тебе не принести на урок свою спортивную форму и кроссовки и перестать упрямиться?

Джек бы с удовольствием так и сделал, но дело зашло к этому времени уже слишком далеко. Он не знал, как ему себя вести, чтобы выйти из сложившейся ситуации с честью.

Игра с командой школы из Харли была назначена на середину января, и Петер, естественно,

был вратарем. В день матча за завтраком он пояснил всей семье:

– Эти типы считают себя непобедимыми.

– Думаешь, вы можете у них выиграть? – спросил почтальон, у которого сегодня был выходной.

– Вообще-то, – ответил Петер с набитым ртом, – они все время выигрывали, но сегодня у нас будет новый игрок, Стивен Дэвсон, и господин Рэнсон считает, что у нас есть шанс на победу.

Почтальон собирался отвезти Петера и еще одного мальчика из Лонгфильда в Харли. Так как в машине оставалось свободным еще одно место, поехал с ними и Джек. Команду, как только она вышла из раздевалки на тщательно ухоженное футбольное поле, поприветствовал чрезвычайно взволнованный господин Рэнсон. Победа над этой заносчивой командой была делом чести и для него лично. С учителем физкультуры из Харли у него были свои счеты. На карте стояла его честь как тренера.

– Где же Дэвсон? – спросил он нервно. Кто-то сказал, что он еще не приехал. Пришлось господину Рэнсону начать свою речь для поднятия духа команды без него. Время от времени он бросал озабоченный взгляд на свои часы. Внезапно через подмерзшее поле к ним быстрым шагом направился директор школы из Харли.

– Мне только что позвонили, – сказал он, еще не отдышавшись. – Мне очень неприятно вам об этом говорить, но один из ваших игроков по дороге сюда попал в аварию. Он и его отец доставлены к нам в больницу.

– И случиться это должно было, как нарочно, с Дэвсоном! – простонал господин Рэнсон. – Он был нашей единственной надеждой.

К ним подошел с вызывающим видом учитель физкультуры из Харли:

– Неужели же вы не можете найти замену? Пора бы уже давать свисток, мои ребята потихоньку начинают мерзнуть.

Господин Рэнсон растерянно оглядел болельщиков своей команды, но все они были либо старше 15 лет, либо у них не было с собой кроссовок. Из запасных игроков на матч не явился ни один.

– Твои кроссовки лежат у папы в багажнике, – Петер схватил Джека за руку. – Они остались там лежать с прошлой субботы, когда папа подвез нас со спортплощадки!

– Я не буду играть! – категорически заявил Джек.

– Ну пожалуйста! – умолял его Петер. – Я знаю, что ты это можешь.

Он смотрел на него так жалобно, что сердце Джека дрогнуло.

– Что, он? – вот и все, что смог выдать из себя господин Рэнсон, когда Петер сообщил ему, что Джек согласился заменить Дэвсона.

– Все-таки лучше, чем играть в неполном составе, – выдвинул главный свой аргумент Петер.

Господин Рэнсон уже не сомневался, что сегодня чашу унижений ему придется испить до дна. Поэтому он лишь пожал плечами и бросил Джеку форму.

Появившегося на поле Джека команда из Харли встретила уже привычными для него перешептыванием и наглыми улыбочками. Но именно эта «красно-черно-белая» шуточка разбудила в нем боевой задор. Лишь только судья дал свисток к началу игры, Джек понесся изо всех сил по полю.

Этой игры господину Рэнсону не забыть никог-

да. Он стоял у боковой линии рядом с тренером из Харли и наблюдал, как Джек на середине поля отобрал мяч у противника, мастерски обвел трех защитников, переведя мяч на левую ногу и сильным ударом послал его в сетку ворот. Вратарь застыл на месте, пораженный. Выражение лица господина Рэнсона менялось просто на глазах, и, когда Джек забил второй гол, от возбуждения он чуть не подпрыгнул.

– Этот ваш маленький запасной не без таланта! – вынужден был признать его соперник с завистью. – Он что, действительно младше всех остальных, или только ростом не вышел?

– Ему нет еще тринадцати, – сказал господин Рэнсон. – Я, конечно же, немало с ним поработал, – добавил он. При этом ему втайне было очень стыдно. Но для Петера, как вратаря, это был звездный матч в его жизни. Ребята из Харли выглядели чрезвычайно подавленными, когда к концу первого тайма счет был 2:0 не в их пользу.

На перерыве тренер соперников собрал вокруг себя всю свою команду. Много отдал бы господин Рэнсон за то, чтобы услышать, что он им говорил. Как бы то ни было, но на поле игроки вернулись, как стая голодных волков. Не успел Петер и опомниться, как они забили два гола. При этом они опекали Джека так плотно, что он и к мячу-то не мог приблизиться, не говоря уже о том, чтобы забить гол. Господин Рэнсон больше не улыбался. Он нервно грыз ногти, когда счет игры стал 2:2.

– Не падать духом! – взывал он хрипло. – Не сдаваться! – Но все-таки он вынужден был согласиться, что ничья была еще лучшим результатом, чем он вообще ожидал.

За три минуты до конца игры команда противника устремилась в последнюю отчаянную атаку. Как раз в тот момент, когда опасность контратаки была наиболее острой, Джек был сбит с ног грубым нападением сзади. Это было очевидное нарушение, и судья назначил штрафной удар. К мячу направился Гэвин Скотт, который обычно и выполнял одиннадцатиметровые удары. Но всем было известно, что в решающие моменты у него сдавали нервы. И тут тренер окликнул Джека:

– Давай, Джонсон! Посмотрим, не забудешь ли ты свой третий гол сегодня!

Не долго думая, Джек послал мяч в левый угол ворот, далеко за пределы досягаемости расстроенного вратаря из Харли.

Никакого еще игрока по окончании финальной игры на кубок чемпионов не обнимали так крепко, как Джека после финального свистка, когда уже никто не сомневался, что в этот раз они все-таки выиграли.

– Три великолепных гола! – выдохнул Петер, от всей души хлопнув Джека по спине. – Я знал, что ты меня не подведешь.

Команда из Харли, сначала насмеявшаяся над

Джеком, теперь выглядела такой же подавленной, как и ее тренер. Но трудно было определить, кто сиял от радости больше: господин Рэнсон или лонгфильдский почтальон.

На общешкольном собрании в понедельник директор объявил:

– Давайте поздравим нашу футбольную команду. В субботу, впервые за шестнадцать лет, они наконец-таки победили команду из Харли.

Все начали аплодировать. Потом директор поднял вверх руку, прося тишины:

– Матч закончился со счетом 3:2. Все наши голы забил один и тот же мальчик, Джек Джонсон, игравший в команде взамен выбывшего игрока!

Разразившиеся вслед за этим бурные аплодисменты напомнили Джеку большой потрескивающий костер. В море сияющих лиц он наткнулся на свирепый взгляд господина Паркера. Джек был беспредельно счастлив.

С того дня Джек принимал участие в каждой игре. С выздоровевшим Стивеном Дэвсоном и стоявшим в воротах Петером команда в том сезоне не потерпела ни одного поражения.

В учительских всего графства только и были разговоры о господине Рэнсоне.

Вместо привычной клички «Краснокожий» Джека повсюду встречали уважительными взглядами, мальчишки же помладше почитали его чуть ли не героем.

Этой зимой жизнь повернулась к Джеку своей солнечной стороной. Но вскоре его счастье омрачилось, так как появились новые трудности.

Пожар

Зима была теплой, и ни одного футбольного матча отменять не пришлось. Март принес с собой дожди и ураганный ветер. В середине месяца к своим новым хозяевам перекочевал последний щенок. Семья Джарвисов оставила себе лишь одну собачку с нежными коричневыми глазами. Они назвали ее Хэппи, в память о матери. Двух щенков они отдали женщине-собаководу. После продажи двух других на их банковском счете собралась приличная сумма денег.

– Это будет наш первый отпуск за десять лет! – воскликнула госпожа Джарвис.

– Но денег нам все-таки немножко не хватает, – заметил ее муж озабоченно. – Придется вам, ребята, по мере сил тоже внести свою лепту.

Петер разносил газеты. Он был уверен, что подобная работа найдется вскоре и для Джека.

– Я буду копить деньги, которые получаю на карманные расходы, – пообещал Джек.

– А это значит, что с сегодняшнего дня ни одной сигареты! – с улыбкой сказал маленький почтальон.

Всякий раз, собираясь за обеденным столом, они спорили о том, куда же им поехать. Дженни хотела бы куда-нибудь к озеру, мальчишек же тянуло к морю.

– Но туда, где нет утесов, хорошо? – сказал Петер с улыбкой. Господин Джарвис вовсю расхваливал палатки, его жена страстно мечтала о том, чтобы хоть пару дней отдохнуть от стряпни.

– Вообще-то это Джек должен решить, куда мы все поедem, – сказала Дженни, не сводя с него восхищенного взгляда, – потому что, если бы не Джек, то и щенков на продажу у нас не было бы.

Джек удовлетворенно улыбнулся. Будь это в его власти, он бы всех их забрал в кругосветное путешествие.

К старушке Поттс он ходил теперь только по субботам, после обеда. Уроки чтения ему уже не нужны были, а футбол стал для него любимым занятием.

– Пора уже начинать перекапывать сад, надо будет высаживать рассаду, – сказала однажды старушка Поттс, едва он закончил оклеивать ее гостиную новыми обоями.

– Пора бы Вам уже начать платить мне зарплату, – настоятельно попросил он. – На каникулах я хочу куда-нибудь съездить и поэтому коплю деньги.

– Откуда у такой бедной пенсионерки, как я, лишние деньги? – захныкала она.

– В деревне говорят, что вы накопили кучу денег, – возразил он, ухмыляясь.

– Ах, вот как? – резко откликнулась она. – И у тебя просто руки чешутся присвоить их?

– Нет! – с достоинством ответил Джек. – Я больше не занимаюсь нечистыми делами. Однако я считаю, что вы должны платить мне по справедливости.

Старушка Поттс от удивления открыла рот, однако мысль о том, что она может лишиться общения с Джеком, заставила ее изменить свои намерения.

– Ну, да, ладно, – проворчала она. – Только не надейся, что я тебя озолочу.

Хижина старушки Поттс была собственностью полковника Уайта. Она снимала ее у него вот уже втечении 30 лет. Время от времени он навещал ее, чтобы получить квартирную плату и посмотреть, все ли в порядке у его старой квартиросъемщицы. Войдя на этот раз в хижину, он был поистине поражен сделанным в ней ремонтом.

– Ну, госпожа Поттс, – сказал он восхищенно, – сначала вам привели в образцовый порядок сад, а теперь навели красоту даже в доме!

Он знал какой скрягой она была и поэтому спросил:

– Кто же все это для вас делает?

– К делу это не имеет никакого отношения, – по обыкновению резко отозвалась старушка Поттс и подошла к стоявшему в гостиной шкафу. Оттуда она достала полированную шкатулку, в которой хранила свои деньги. Полковник, покручивая свой рыжеватый ус, наблюдал, как она рылась в ассигнациях.

– Вам бы лучше положить их на сберкнижку или в банк, – посоветовал он ей. – Неразумно хранить такую сумму денег, живя одной в лесу.

– Не лезьте не в свое дело! – оборвала его старушка Поттс, отсчитывая деньги.

– Я знаю, что у вас есть пистолет, но вы просто недооцениваете той опасности, которой вы подвергаетесь, – ничуть не смутившись, продолжал полковник. – Возьмем, к примеру, этого метиса, которого притащил к нам почтальон. Полицейский Джоунс говорит, что на его счету немало правонарушений. Доверять таким нельзя.

– О, я уже давно знаю, что он обратил внима-

ние на мои деньги, – злобно хихикнула старушка. Она сказала это в шутку, но для Джека эти слова имели самые неприятные последствия.

Скорее всего именно шум разыгравшейся бури и разбудил Джека в ту роковую ночь. Он всегда спал очень чутко, а сегодня вой ветра, яростно трепавший оконные ставни, мог бы разбудить и мертвого. Полусонный, вылез Джек из-под одеяла, размышляя, не пора ли ему уже идти разносить газеты? И тут он вдруг увидел зловещие красные отблески над лесом.

– А вдруг это горит дом старушки Поттс!

Джек задыхался от волнения, натягивая джинсы и куртку поверх пижамы. Потом он сбежал вниз по лестнице, собираясь разбудить Петера. Но все его попытки окончились ничем. Петер спал очень крепко и просыпался лишь тогда, когда мама принималась обрабатывать его влажным полотенцем. Джек не хотел терять драгоценных минут и оставил свои попытки разбудить его. На мгновение он остановился перед дверью спальни своего приемного отца. Но потом он все-таки не решился его разбудить, ведь ему нужно было рано идти на работу. Может быть, и горит всего-то какой-нибудь стог сена?

Джек выскочил из дома в разбушевавшуюся стихию, перепрыгнул через садовую ограду. Лес, казалось бы, такой знакомый, в эту ночь был полон опасностей. Деревья скрипели и трещали под яростными порывами ветра. Действительно горела хижина старушки Поттс! Подбежав поближе, Джек с ужасом увидел, что пламя охватило уже кухню и комнату над ней. Входная дверь была заперта. Сквозь дым он ощупью добрался до задней стены хижины и вытащил лестницу из при-

стройки, где хранились его садовые инструменты. Эта лестница была расшатанная, изъеденная червями, но конец ее доставал как раз до окна спальни старушки Поттс.

Виновницей пожара была изголодавшаяся мышь. Придя в отчаяние от неусыпной бдительности, с которой несли свою службу семь кошек, она начала грызть электропроводку в шкафу под лестницей. В нем старушка Поттс хранила свои старые газеты, и достаточно было мартовской буре проникнуть в дом через щель под дверью слабым ветерком, чтобы из искорки разгорелось пламя.

Когда старушка проснулась, ее спальня была уже полна дымом. Она проковыляла к двери и увидела, что лестница была уже в огне. Она знала, что запасного выхода в коридоре не было. С непоколебимым хладнокровием она снова улеглась в постель и стала спокойно ждать смерти.

Как же удивлена была старушка, когда в окне показалось лицо Джека!

– Вы что, с ума сошли! – закричал он, выбивая локтем оконное стекло. Рука его шарилась в поисках оконной щеколды. – Вы что, всю ночь собрались здесь сидеть?

– Мне не под силу уже лазить по окнам! – промямлила старушка.

– Вот еще глупости! Еще как под силу! – уверенно заявил на это Джек. – И закутайтесь потеплее, а то еще протянете ноги на улице!

– Наглый мальчишка! – пробормотала она, но все же, когда она накидывала на плечи красную шаль, в ее глазах стояли слезы облегчения.

В эти минуты, когда, напрягая все свои силы, Джек помогал старушке взобраться на подоконник, а оттуда перебраться на лестницу, нервы маль-

чика были напряжены до предела. От дыма трудно было дышать. Спуск по лестнице причинял старушке, страдающей от подагры, невероятную боль, и при каждом движении она осыпала Джека проклятиями. Но вот, наконец, они достигли земли. Джек крепко взял ее за руку и отвел в безопасное место. Печально стояли они у калитки, уставившись на бушующее пламя. В этот раз вид огня не привел Джека в радостное возбуждение. Его угнетало сознание того, что отныне и навсегда было уничтожено то, к чему он так привязался.

– Мои деньги! – вдруг простонала старушка. – И мои серебряные птицы! Мне нужно туда!

– Но это невозможно, это безумие! – вскричал Джек.

– Еще как возможно! – возбужденно отозвалась старушка Поттс. – До гостиной огонь еще не добрался.

Она вытащила ключ, который висел у нее на шее, и отперла входную дверь.

– Вам нельзя в дом! – закричал Джек и схватил ее за руку. – Крыша вот-вот рухнет!

– Серебро и деньги ценнее моей бесполезной жизни, – ответила она и закатила Джеку свою обычную оплеуху. Он выпустил ее руку, и она, прижимая ко рту и носу носовой платок, вошла в дом.

Джек наблюдал за ней, стоя у входной двери, и грыз от волнения ногти, покуда она пробиралась через заполненную дымом комнату. Дорогу к шкафу она могла найти и с завязанными глазами.

Спустя несколько минут она уже держала шкатулку под мышкой. Серебряные же птицы как сквозь землю провалились.

– Бросьте вы их! – крикнул Джек, задыхаясь от дыма.

В этот момент ее шарящие пальцы нащупали ее прекрасное сокровище. Но было слишком поздно. Засовывая птиц в шкатулку, она почувствовала, что теряет сознание. Старушка тяжело рухнула на пол, ударившись головой о кованную каминную решетку.

Огонь тем временем добрался до двери на противоположной стороне комнаты. Пламя дрожало и билось, его отблески освещали всю сцену, придавая ей таинственность.

Забыв об угрожающей ему опасности, Джек во мгновение ока оказался в хижине и склонился над старушкой. Она была без сознания. Из глубокой раны на лбу сочилась кровь. Он схватил ее за ноги и попытался вытащить из хижины. Но до того, как подагра согнула ее в три погибели, старушка Поттс была довольно высокой женщиной. Несмотря на все свои усилия, Джек не смог даже сдвинуть ее с места. Он почувствовал, что скоро сам задохнется. И тогда он сделал то, что, как он считал, старушка полностью бы одобрила: он вырвал у нее из рук ее драгоценную шкатулку, собираясь отнести ее в безопасное место.

Собираясь уже бежать за помощью к ближайшему фермеру и выбираясь через дверь черного входа, он с разбегу налетел на полковника Уайта и его племянника.

Вой бури разбудил и полковника Уайта, и он, взглянув в окно, решил, что загорелся его лес. Он вызвал пожарников, накинул свою старую шинель и разбудил племянника, как раз гостившего у него. Они вместе поспешили в лес и очутились у горячей хижины в самый неподходящий момент.

– Старушка Поттс мне уже говорила, что ты

давно положил глаз на ее деньги, – прорычал полковник. – Но я бы ни за что не мог поверить, что ты способен пойти так далеко... Марк, посторожи его, чтобы он не сбежал! – приказал он и бесстрашно нырнул в клубы дыма, наполнявшие хижину.

Он быстро вытащил старушку Поттс на улицу и укрыл ее, все еще бывшую без сознания, своей шинелью. Тут полковник обнаружил лестницу и разбитое окно спальни. И, наконец, увидел кровоточащую рану на лбу старушки Поттс.

В ярости обернулся он к Джеку, который все еще прижимал к груди шкатулку с деньгами, в то время как племянник крепко держал его за шиворот.

– Так, значит, мы застали тебя прямо на месте преступления? – загремел полковник. – Сначала ты пробрался в спальню. Потом ты силой заставил ее отдать тебе деньги. А затем, как будто всего этого было еще мало, ударил ее по голове и поджег хижину, чтобы замести следы.

Гордость не позволяла Джеку сказать хоть что-нибудь в свое оправдание. Наглое молчание мальчишки привело старого солдата в бешенство. Он вырвал у Джека из рук шкатулку, кулак же его со свирепой яростью обрушился на изуродованную половину лица мальчика. Сквозь пелену боли и ярости Джек услышал:

– Запомни мое слово, этот Джарвис еще пожалеет, что притащил в нашу мирную деревню такое чумное бедствие с замашками поджигателя, как ты. Я человек достаточно влиятельный и не пожалю сил, чтобы этого почтальона немедленно перевели отсюда как можно дальше.

С помощью шарфа Марка они крепко-накреп-

ко привязали Джека к воротному столбу. Джек страстно желал, чтобы горящая хижина рухнула и погребла под собой обоих мужчин, так он их ненавидел.

Вскоре лес кишел пожарниками и санитарями. После того, как старушку Поттс на носилках унесли к машине скорой помощи, между деревьями показался запыхавшийся местный полицейский.

– Мы поймали для вас преступника, – окликнул его полковник, распираемый гордостью. – Это тот метис из семьи Джарвисов. Вы ведь как-то упоминали, что он пользуется дурной славой поджигателя. В этот раз к этому прибавилось еще и убийство.

Полицейский Джоунс, друживший с почтальоном, был чрезвычайно подавлен, вводя их в свой маленький кабинет в здании полицейского участка на главной площади деревни. Как и все обитатели деревни, он втайне побаивался полковника Уайта. Они все толпились в его кабинете, а он затравлено грыз конец авторучки.

– В настоящий момент я могу лишь запротоколировать ваши показания, – сказал он наконец. – Я должен обо всем доложить своему начальнику и дождаться сообщений из больницы. Потом, опять же, необходимо дождаться рапорта начальника пожарной команды, и лишь потом против Джека может быть выдвинуто обвинение.

Полковник Уайт пофыркивал насмешливо, пока полицейский записывал правдивые показания Джека. Потом он с пафосом изложил свой вариант событий. Каждое его слово было обвинением против Джека. Уже светало, когда полицейский, наконец, отпустил Джека. Открывая дверь, он сказал:

– Будь сегодня весь день дома. Мой начальник наверняка захочет побеседовать с тобой.

Джек брел по дороге, как оглушенный. Голова все еще гудела после удара полковника Уайта. От застоявшегося в легких дыма першило в горле. На сердце у него было особенно горько.

Неужели же того, что полковник Уайт задавил Хэппи, было мало? Неужели же ему нужно было разрушать его мир? Когда Джек наконец добрался

до дома, почтальон уже ушел на работу. Госпожа Джарвис и Петер сидели за столом на кухне и пили чай.

– Где тебя носило? – спросил заспанный Петер.
– Надеюсь, что ты заодно разнес и мои газеты?

– Что случилось? – встревожилась госпожа Джарвис, увидев странное выражение, застывшее на лице Джека.

Она быстренько усадила Джека поближе к тепловой печи и налила ему чаю.

– Что с тобой, дорогой? – спросила она наконец.

– В хижине старушки Поттс случился пожар, – пробормотал Джек. – Хотя я смог ее вовремя оттуда вытащить, эта глупая старушка захотела непременно вернуться в дом, чтобы спасти свои деньги. Когда она была в доме, ей стало дурно, и, падая, она ударилась головой об угол каминной решетки. Она была слишком тяжелой, и я не смог ее вытащить, а полковник Уайт решил, что мне нужны были ее деньги. И, кроме того, он считает, что это я поджег хижину.

И тут он внезапно выпрямился, да так резко, что расплескал чай.

– Или вы тоже считаете, что это моих рук дело? – спросил он.

В голове госпожи Джарвис вихрем пронеслись самые разные мысли. Она знала, что Джек нуждался в деньгах и от господина Льюиса она была наслышана о его патологической склонности к поджогам. Молчание затянулось.

– Так вы, значит, не верите ни одному моему слову? – сказал Джек, и голос его сорвался. Он вскочил со стула и бросился вверх по лестнице в свою комнату.

Побег

Следующие два дня были и для семьи Джарвисов, и для Джека сплошным кошмаром. В доме было полно полицейских. Они задавали Джеку вопросы, на которые он не хотел отвечать.

Старушка Поттс все еще находилась в очень тяжелом состоянии. Она была без сознания, сказывались последствия перенесенного ею шока и переохлаждения.

Полковник Уайт, не теряя ни минуты, начал настраивать всю деревню против семьи Джарвисов. Жизнь их стала поистине невыносимой. Почтальон, разнося почту, не встречал уже ни одной дружеской улыбки. Один из друзей полковника додумался даже до того, что натравил на него собаку. Почтальону очень повезло: он отделался изорванной в клочья курткой и порванными брюками.

Петеру в школьном автобусе приходилось не слаще. Всю дорогу он сносил шквал оскорблений. Мадемуазель Диксон настраивала женщин деревни против госпожи Джарвис. Презрительно фыркая, она говорила:

– Я знала, что именно этим все и закончится. Я была уверена в этом с того первого дня, когда увидела этого ужасного мальчишку.

Когда госпожа Джарвис зашла в местную лавоч-

ку, чтобы заказать кое-что из продуктов, владелица, бывшая когда-то ее подругой, заявила, что отныне покупки ей придется делать в другом месте.

Даже Дженни вернулась из школы в слезах, потому что все ее одноклассницы вдруг превратились в недружелюбных, холодных врагов. Джек, молчаливый, с ввалившимися глазами, не выходил из своей комнаты. Вниз он спускался только для того, чтобы поесть. Никто, даже Петер, не мог выудить у него ни слова.

Спустя два дня после пожара семья Джарвисов мрачно сидела за столом, обмениваясь рассказами о невеселых событиях этого дня. Никто и не притронулся к яствам, приготовленным госпожой Джарвис. Джек переводил взгляд с одного встревоженного лица на другое. Жить в таком напряжении дальше было выше его сил. Его тянуло в лес, чтобы побыть в одиночестве, насладиться свободой, быть может, в последний раз. Но вот встать и пойти туда он не решался. Ему оставалась лишь его комната под самой крышей.

После того, как Джек ушел в свою комнату, почтальон неожиданно сказал:

– Мы не имеем право просто так вот тут сидеть. Иисус сказал, что мы должны радоваться, если за наши добрые дела на нас обрушиваются неприятности (Ев. Матфея 5:10-12). Какая разница, что говорят о нас люди из-за того, что мы взяли к себе Джека. Мы знаем, что его нам послал Бог. Поэтому мы сейчас перестанем сидеть с мрачным видом, а с радостными лицами примемся за ту вкуснятину, что приготовила для нас мама.

Настроение всей семьи резко поднялось. Обед они закончили так же весело, как это всегда было принято в доме Джарвисов.

Джек, сидевший в своей комнате один, всего этого не видел. Перед его глазами снова и снова вставали несчастные лица, и ему становилось не по себе. Вот сейчас-то они его точно вышвырнут. Даже если старушка Поттс придет в сознание до того, как его заберут в тюрьму, и спасет его, Джарвисы ни за что не захотят, чтобы он остался у них. Если они считают, что он способен на такое, то как же они могут спать спокойно под одной с ним крышей? С какой стати они должны оставлять его у себя, если из-за него потеряют всех своих друзей, а отец и работу? Кто он был для них? Они ведь и копейки не получили за то, что приняли его в свой дом.

Самые ужасные из его опасений, казалось, начали уже оправдываться: он увидел подъезжающий к воротам автомобиль господина Льюиса.

– Вот оно! – подумал Джек мрачно. Слишком уж часто инспектор по делам несовершеннолетних появлялся за тем, чтобы забрать его от приемных родителей. Он слышал, как Дженни и Петера отослали в гостиную. Голоса на кухне зазвучали громче, но потом снова стихли самым зловещим образом. Когда, спустя некоторое время, господин Льюис вступил на лестницу, ведущую в комнату Джека, он был в плохом настроении. Ему пришлось ехать за тридевять земель, да к тому же еще в свой законный выходной. Все эти годы он не видел от Джека ничего, кроме неприятностей. Когда на прошлой неделе он услышал, что семья Джарвисов хочет усыновить Джека, у него появилась надежда раз и навсегда избавиться и от мальчика, и от всех толстых папок его «дела». Теперь же «поджигатель» снова умудрился полностью оправдать свое прозвище. Но эти при-

емные родители были так наивны и доверчивы, что все равно хотели его усыновить. Они верили в его невиновность, но господин Льюис знал Джека дольше, чем они.

Он открыл дверь и оказался лицом к лицу с Джеком. Вид этого упрямого, мрачного мальчишки ни в коей мере не способствовал улучшению его настроения.

«Он – из самых отпетых, – подумал инспектор. – Такие как он не стоят ни усилий, ни моего драгоценного времени, которое я на них трачу. Сомневаюсь, чтобы он вообще что-то чувствовал.»

– Ну, Джек, – начал он, – ты в очередной раз по уши завяз в неприятностях, и на этот раз очень серьезных. Я с самого начала знал, что посылать тебя сюда, было ошибкой. Эти добрые люди поистине не заслужили всех этих страданий.

Джек знал, что он прав. И все же глубоко укоренившаяся в его сердце ненависть и презрение к этому человеку взяли вверх, и он заорал:

– Вон отсюда, жирная жаба!

– Поосторожней с выражениями! – пригрозил ему господин Льюис. – Иначе ты и слова доброго не дождешься от меня на суде. Впрочем, вряд ли что-нибудь сможет тебя в этот раз спасти, – добавил он злобно.

– Проваливай! – повторил Джек. Увидев сжатые кулаки мальчика, инспектор поспешно отступил к двери. Спотыкаясь, он сбежал по лестнице вниз, и в который уже раз его начало терзать ощущение, что он нехорошо обошелся с Джеком.

Джек, парализованный яростью, стоял посреди своей комнаты. До него глухо доносился шум отъехавшей машины господина Льюиса и возобновившегося внизу разговора.

Его захлестнула волна безмерного, удушающего возмущения и отчаяния. Он был зол на всех и вся: на свою мать, бросившую его, когда он был еще младенцем; на всех своих приемных родителей, которые непременно рано или поздно его вышвыривали; на господина Льюиса, ни разу не проявившего к нему ни капли сочувствия; на полковника Уайта и господина Паркера. Но больше всего он злился на Джарвисов, которые привезли его сюда. Это они, выделив ему собственную комнату и подарив велосипед, добились того, что он распустил слюни. А сейчас, когда он в них так отчаянно нуждался, они отвернулись от него. Вдруг у него появилось ощущение, что весь мир был всего лишь жестоким футбольным матчем, где все стремятся подставить ему подножку, свалить в грязь. Не успевает он подняться, как все снова на него набрасываются.

– Ну что ж! – процедил он сквозь сжатые зубы. – Мне, в общем-то, все равно!

Сорвав со стен свои футбольные плакаты, он скомкал их и швырнул на пол вместе с комиксами. Разыскав пару спичек, он поджег эту грудку бумаг. После этого он открыл окно, устроив приличный сквозняк, сунул кошелек в карман джинсов и выскользнул из дома.

К тому времени, когда он пересек сад и, перепрыгнув через забор, зашагал по дороге, из распахнутого чердачного окна уже тонкой струйкой тянулся дым.

– Этот старый сарай сгорит во мгновение ока, – думал он мрачно. – Я вообще-то с самого начала собирался распрощаться с ними именно так.

И тем не менее при мысли о том, что вскоре от дома, где он был так счастлив, останется лишь

груда обгорелых головешек, у него появилось неприятное чувство.

Сначала он подумал, не взять ли ему с собой и велосипед. Но оставить у себя хоть что-нибудь из подаренного Джарвисами было сверх его сил.

«Если я пойду напрямик через поля, то успею к семичасовому автобусу в город и сяду на поезд, идущий в Лондон, еще до того, как полиция начнет меня разыскивать.»

Денег, которые он накопил на поездку, ему хватит и на дорогу, и на продукты, а там начнется и его новая жизнь, жизнь преступника.

«Все равно все уверены, что я способен лишь на это, – думал он. – Мне только и остается, что доказать им, что я неплохо с этим справлюсь.»

Он быстро шагал по тропинке, стараясь держаться в тени изгороди, потому что было еще довольно светло. Взглянув на часы, он убедился, что до отхода автобуса у него оставалось еще много времени. На мосту через плотину он замедлил шаг. Сколько счастливых часов жаркими летними днями они провели с Петером, сидя на берегу с удочками в низовьях реки. Сейчас, в марте, обильные дожди превратили реку в пенящийся бурный поток, с ревом низвергающийся с плотины. Что может быть проще – взять и прыгнуть вниз! Ну что хорошее ожидало его впереди? Он ведь, наверняка, куда ни пойдет, все равно окажется в тюрьме. Никогда у него уже не будет ни леса, ни футбола, ни рыбалки. И самое ужасное – не будет Петера. Так почему бы ему не положить конец этой никчемной жизни вот сейчас здесь? Река бушевала у него под ногами, когда он медленно начал взбираться на перила моста.

Пламя в комнате Джека добралось уже до зана-

весок, а каскады искр сыпались на кровать, когда в комнату ворвались встревоженные Джарвисы. Выйдя запереть кур на ночь, они заметили валившийся из окна дым. Произошло это лишь спустя несколько минут после того, как Джек перепрыгнул через забор.

– Нужно вызвать пожарников! – в ужасе вскричала госпожа Джарвис.

– Нет-нет, подожди! – почему-то остановил ее муж. – Думаю, что мы и сами справимся с огнем. Собери все ведра в доме и быстренько пришли сюда Петера!

Он мужественно вступил в бой с пламенем, сорвал панельную обшивку с резервуара с водой, стоявшего в углу комнаты. (В некоторых странах снабжение дома водой осуществляется не посредством нагнетательного насоса, а с помощью цистерны с водой, устанавливаемой на чердаке.)

– Спасены в самую последнюю минуту! – прохрипел он, вместе с Петером поспешно наполняя ведра водой. Пламя было потушено, но в комнате Джека все было вверх дном, в копоты и промокшее насквозь.

Вся семья в растерянности взирала на то, что осталось от комнаты. Господин Джарвис, переводя взгляд с одного на другого, сказал:

– Об этом никому ни слова!

– Но ведь он, наверняка, поджег это все сам! – с несчастным видом пробормотал Петер.

– Конечно, сам, – ответил отец, – но я не хочу усложнять ему жизнь прежде, чем сам спрошу его, почему он это сделал. У него и без того довольно неприятностей.

Все согласно кивнули.

– В этом «разоренном гнезде» мы все оставим

так, как есть. Пусть Джек сам решает, что он с этим будет делать. Новые шторы и обои ему придется покупать на свои деньги.

В этот момент в дверь позвонили. Выглянув в окно, Дженни воскликнула:

– Мама, там полицейская машина!

Мучимые сознанием своей вины, они все вместе спустились по лестнице и открыли дверь полицейскому Джоунсу и полковнику Уайту.

– Вы позволите нам войти? Нам нужно переговорить с вами кое о чем, – сказал полицейский.

– Конечно, конечно, – откликнулась госпожа Джарвис и с тяжелым сердцем провела их в гостиную.

– Сегодня в пять часов мне позвонили из больницы, – начал полицейский. – Мне сообщили, что госпожа Поттс пришла в сознание и попросила пригласить к ней ее квартиросдатчика. Сотрудники больницы решили, что будет лучше, если при этом разговоре буду присутствовать и я. Ее рассудок был на удивление ясен. Она рассказала нам, как Джек с помощью лестницы добрался до окна спальни, чтобы спасти ее из пламени. При этом он подвергал риску свою собственную жизнь. Тем не менее она настаивала на том, чтобы вернуться в дом и взять деньги. Она помнит, как он пытался ее удержать, но не в состоянии припомнить ничего из того, что произошло дальше. То есть события разворачивались точно так, как показал на допросе Джек.

Полицейский сурово взглянул на полковника, которые все это время был на удивление молчалив и продолжал:

– Она была несколько обеспокоена судьбой своих денег. Но когда полковник сообщил ей, что

мальчик их спас, она попросила его лично передать Джеку ее сердечное спасибо.

Полковник Уайт был не из тех, кто уклоняется от исполнения своего долга. Он громко откашлялся и сказал:

– Мне кажется, что я должен извиниться перед Джеком. Очевидно, он вел себя самым достойным образом.

– Очень сожалею, но его в данный момент нет дома, – вежливо ответил почтальон.

– Ну, тогда пришлите его ко мне, и поскорее! – приказал старый вояка. – Для меня очень важно, чтобы между нами не было никаких недомолвок. Думаю, мне нужно поблагодарить его и за то, что он привел дом в такое отличное состояние. Ну, теперь это, конечно, все насмарку. Хижина сгорела дотла. Но тем не менее, поразительны для такого маленького мальчишки результаты, и это все, как мне кажется, делал он без оплаты!

Эта речь далась старику не без труда.

И теперь, когда он встал, чтобы идти, вид у него был поистине измученный.

– Состояние госпожи Поттс значительно улучшилось, – добавил он, остановившись у порога. – Бедные медсестры не знают ни минуты покоя. Когда она окончательно поправится, я поселю ее в одной из квартир на центральной площади, оборудованных специально для пожилых людей. Пока же кто-нибудь присмотрит за ее кошками.

Он сел в полицейскую машину и снова стал сам собой, приказав полицейскому Джоунсу отвезти его домой.

– Слава Богу! – воскликнул почтальон, пытаясь обнять всех членов своей семьи сразу. – Гроза всей нашей округи оказался героем!

Но их радость шла на убыль по мере того, как они час за часом напрасно ожидали возвращения Джека домой.

– Да прекрати же, наконец, метаться как тигр в клетке! – жалобно попросил почтальон сына, когда часы пробили полночь. И Петер, и Дженни наотрез отказались идти спать. Они хотели непременно увидеть выражение лица Джека, когда он услышит, что все снова в порядке. Но Джека все не было, Дженни уснула на диване, а госпожа Джарвис так часто заваривала свежий чай, что пакет с заваркой опустел.

– Папа, с Джеком случилось что-то ужасное, я просто чувствую это, – не выдержал наконец Петер.

– Где же твоя вера, Петер? – спросил почтальон совершенно спокойно. – Еще и двух часов не прошло после того, как мы молились, чтобы Господь Иисус охранял его. Теперь мы должны полностью довериться Ему в уверенности, что именно Он и делает. Джек, вероятно, просто спрятался где-нибудь, и его терзают мысли о пожаре, который он устроил на чердаке. Иди спать, сынок! Мы с мамой подождем, пока он придет домой!

Когда рано утром, с онемевшими руками и ногами, они с боем часов проснулись на своих стульях, госпожа Джарвис, разогревая молоко, спросила:

– Может быть, сообщить об этом в полицию?

– Дай мальчишке время хотя бы до вечера, – упрямо возражал ее муж. – И скажи детям, чтобы держали язык за зубами. Все это дело теперь в руках Господа, – добавил он и отправился на работу.

Конец Джека Джонсона

Новость распространилась по Лонгфилду с удивительной быстротой. Где бы почтальон в это утро ни появлялся, повсюду его встречали дружеской улыбкой и крепким рукопожатием. Поздравления неслись из распахнутых окон и калиток. Друг полковника Уайта, владелец свирепого пса, даже предложил господину Джарвису купить ему новый костюм. Он сказал:

– Вы можете гордиться своим мальчиком. Просто уму непостижимо, что он готов был рисковать своей жизнью, чтобы спасти эту ужасную старушку Поттс!

Когда госпожа Джарвис утром пришла в деревню, чтобы купить чай, на улицу выбежали все те, кто недавно и в упор ее не замечали, чтобы пожать ей руку. Хозяйка лавки подбежала, говоря:

– Я всегда была уверена, что этого мальчика еще можно было вернуть на путь добродетели. Это просто поразительно, чего вам удалось добиться!

И в автобусе, и в школе все только и говорили о героическом поступке Джека Джонсона. Петер от всей души жалел, что Джек не слышал всех этих похвал в свой адрес.

Но когда мальчик не появился и к обеду, господин и госпожа Джарвис уже не на шутку встревожились.

– Пойду позвоню полицейскому Джоунсу, – сказал озабочено почтальон и отодвинул тарелку с супом, к которому и не притронулся.

– В этом нет никакой необходимости, – воскликнула его пораженная жена. – Он как раз подходит к калитке.

Когда полицейский услышал, что Джек не ночевал дома, лицо его омрачилось.

– Новый пастух господина Вихера только что принес мне вот это, – сказал он и положил на стол потертый коричневый кошелек. – В нем немного денег, а здесь, видите, надпись: «Джек.» Тэд всю ночь не мог сомкнуть глаз, но прийти ко мне раньше он тоже не мог, потому что сегодня базарный день. Боюсь, что Вам и Вашей жене нужно приготовиться к самому худшему. Тэд рассказал мне, что видел Джека вчера вечером, когда направлялся к Длинному лугу, чтобы пригнать коров домой. Он говорил, что Джек произвел на него довольно жуткое впечатление, когда стоял на перилах моста, уставясь на воду. Возвращаясь с коровами домой, Тэд нашел этот кошелек на мосту, как будто его нарочно там оставили.

Глаза почтальона расширились от ужаса.

– Вы думаете, он прыгнул в реку?! – выдавил он из себя.

– Ну, он наверняка был уверен, что ему предъявят обвинение в поджоге, воровстве и убийстве. Кто бросит в него за это камень? – подавленно ответил полицейский. Господин Джарвис спрятал лицо в ладонях; его жена была слишком потрясена, чтобы плакать.

Полиция развернула широкомасштабную операцию по поискам Джека. Розыски велись по всей округе. Но никто не мог припомнить, что видел его.

Полицейский Джоунс сказал:

– Такая большая родинка на лице, как у него, обязательно бросится кому-нибудь в глаза.

Водолазы обшарили всю реку ниже плотины, вокруг них стаями вились газетные репортеры, и ошеломленный Лонгфильд начал опасаться, что случилось непоправимое.

Дженни сидела неподвижно, прижав к себе Хэппи и погрузившись в невеселые мысли. Петер всячески избегал заходить в сарай, боясь увидеть велосипед Джека, одиноко стоявшего в темном углу.

Господин Льюис, сидя в своем лондонском кабинете, нервно теребил пуговицу на расстегнутом вороте рубашки, который вдруг стал ему слишком тесен. Он понимал, что был последним, кто видел Джека живым. Полковник Уайт в полном одиночестве сидел в своем огромном доме на главной площади деревни и чувствовал себя еще ничтожнее маленького почтальона, которого он всегда презирал.

Именно мысль о Петере и удержала Джека в конце концов от прыжка в бурлящую реку.

Даже если он окажется за решеткой, все равно у него будет надежда когда-нибудь снова увидеться с Петером. Он шумно прочистил нос и отправился к автобусной остановке. Вытаскивая носовой платок, он не заметил, что вместе с ним из кармана выскользнул кошелек и теперь сиротливо лежал на мосту.

Джек уже привык к тому, что все у него шло наперекосяк. Поэтому он не очень и удивился, обнаружив, что его часы отстают.

На главную улицу он вступил как раз в тот мо-

мент, когда его автобус скрывался за поворотом. Это было тяжелым ударом, но Джека не так-то легко было выбить из седла.

«Если я прибавлю хода и пойду напрямую через лес, то, может быть, еще сумею догнать его у гостиницы «Корона», где он иногда останавливается на пару минут», – подумал он.

Джек не очень-то верил в успех этой затеи, но не уставал заверять себя, что свобода его зависит от того, догонит он этот автобус или нет. Перепрыгнув через забор, он помчался к лесу. Он бежал наугад, и вдруг путь ему преградила проволочная ограда. При попытке преодолеть эту преграду, его левая нога застряла в ячейке сетки, а правая подвернулась, и он обрушился на нее всем своим весом. У Джека потемнело в глазах от боли. Постепенно до него дошел весь ужас его положения. О продолжении побега нечего было и думать. Нога болела невыносимо, и все же гордость не позволяла Джеку лежать здесь и ждать, пока подоспеет полиция с носилками.

Подобно загнанному зайцу, он затравленно оглядывал окрестности в поисках убежища. И тут он вдруг вспомнил об одной полуразвалившейся хижине. Однажды они с Петером целый день посвятили исследованию ее развалин. Они решили, что, как и дом старушки Поттс, эта хижина была когда-то частью металлургического завода, но уже много лет в ней никто не жил. Джек был уверен, что до нее было рукой подать. Только бы добраться до этой хижины! Тогда бы у него было убежище, где он мог бы переждать, пока утихнет боль в лодыжке.

Ползти на четвереньках, осторожно волоча за собой перебитую ногу, занятие не из самых при-

ятных. Когда Джек наконец-то добрался до хижины, лоб его был покрыт крупными каплями пота, а из груди вырывались едва сдерживаемые всхлипывания. Сжав от боли зубы, он с трудом пополз вверх по полусгнившей лестнице. Если ему не изменяла память, вверху было немного суше, чем внизу. Не успел он опуститься на груды старых мешков, как потерял сознание.

Два следующих дня в этом полуразрушенном убежище тянулись для Джека бесконечно долго. Боль в лодыжке становилась временами невыносимой, но еще больше страданий причиняли ему холод и жажда. К счастью, все эти дни лил дождь, не переставая, и он слизывал с ладони капли, проникавшие в комнату через дыру в крыше. Но жажды, конечно, это утолить не могло. На второй день утром через дыру в стене он увидел, как два полицейских прочесывали лес в окрестностях хижины.

«Значит, старушка все-таки умерла, – с горечью подумал он, – и они действительно меня разыскивают!»

Ему так часто приходилось прятаться от полиции, что в этот раз Джек совсем не испугался. Ему уже было безразлично, найдут его или нет. Он слышал, как один полицейский сказал:

– Слушай, Браун, ступай наверх один. Моего веса эта лестница не выдержит!

Но и страх полицейского Брауна перед гнилыми полами был, очевидно, слишком велик. Вскоре Джек услышал их удаляющиеся шаги. Позвать их назад? Ему срочно нужна была медицинская помощь. Нет, лучше умереть от жажды, чем добровольно отдаться в их руки. Жаль, что он не прыгнул с моста, не воспользовался этой возмож-

ностью. Ну почему он никогда ничего не может довести до конца? День тянулся невыносимо долго, и с каждым часом Джеком овладевало все большее уныние.

Вся его злость и ярость испарились. Он с болью представлял себе, как семья Джарвисов бродит среди еще дымящихся развалин своего дома, выискивая обугленные остатки своего имущества. Как только у него поднялась рука причинить такое горе людям, которые никогда не сделали ему ничего плохого? Смогла ли спастись из огня маленькая Дженни? Успел ли спасти свою гитару Петер?

«Как жаль, что у меня не получилось ненавидеть их и дальше, – думал он, – тогда бы я не чувствовал себя таким негодяем». Но все это вышло, в основном, из-за дружбы с Петером. Ни на минуту не должен был он забывать, что Петер принадлежал совсем к другому миру, миру настоящему, миру безопасному. В этом мире, рождаясь, дети приходили в настоящую семью – их никто не бросал малышами, никто не кидал в бушующее море жизни, чтобы они сами искали себе спасительный якорь и опору. А такие дети, как он, никому не нужны. Ни приемным родителям с их «благими намерениями», ни инспекторам по делам несовершеннолетних, ни Богу. По крайней мере, он не выставлял себя на всеобщее посмешище, подав Богу заявление на усыновление. «Своими друзьями Иисус, наверняка, хочет видеть лишь таких хороших, нормальных людей, как Петер», – решил Джек.

Маленький почтальон с детства верил в благотворное воздействие леса на людей. Так и в этот вечер он с Хэппи отправился на прогулку. Собака

очень страдала от подавленного настроения в доме. Сейчас же она радостно носилась, прыгала и обнюхивала все, что попадалось им на пути, потрясенная новизной и обилием лесных запахов. Но ничто не могло рассеять печали почтальона. Внезапно он почувствовал жуткую усталость.

– Ну что ж, малышка, пора домой! – позвал он.

Но собака вела себя очень странно: она лаяла и скребла когтями дверь старой, полуразрушенной лачуги.

– Там наверняка живут полчища крыс, Хэппи, но нам пора уже домой, – сказал устало почтальон. Но Хэппи – что было совсем на нее не похоже – не обращала на него никакого внимания. Она всем телом налегла на дверь и скрылась внутри хижины. Тяжело вздохнув, господин Джарвис пошел на ее возбужденный лай, раздавшийся с верхнего этажа. Вид источенной червями лестницы не привел его в особый восторг, но, опасаясь, что собака нашла крысину юную нору, он начал осторожно подниматься...

На теле мальчика не осталось ни одного места, которое Хэппи не покрыла бы своими слюнявыми поцелуями. Увидев господина Джарвиса, осторожно ступавшего по полустгнившим половицам, Джек отвернулся к стене. Он прекрасно помнил тот взгляд, которым одарил его почтальон после истории с вонючей бомбой и не испытывал ни малейшего желания снова увидеть на его лице это выражение.

В своей обычной манере почтальон не стал задавать никаких вопросов, а вместо этого, молча сел на пол и стал ждать, пока собака успокоится. При этом он увидел опухшую, побелевшую щиколотку и искаженное от боли лицо Джека с ввалившимися щеками.

– Госпожа Поттс быстро идет на поправку, – наконец сказал он. – Она рассказала полковнику Уайту, как ты на днях спас и ее, и ее деньги. В Лонгфильде ты стал настоящим героем. Хорошо, что позапрошлой ночью ты так внезапно исчез, – продолжал он, – потому что после того, как ты ушел, в твоей комнате начался пожар.

Джек медленно повернул к нему голову и сказал:

– Это я ее поджег.

– Ну да, так я и подумал. Но я не держу на тебя зла, – поспешно добавил он. – Ты ведь считал, что мы не поверили твоему рассказу о пожаре у старушки Поттс. Но, если честно, мы поверили каждому твоему слову.

После долгого молчания Джек резко бросил:

– Простите меня, что я сжег ваш дом.

– Да вовсе ты его и не сжег, не переживай, – прозвучал веселый ответ. – Мы с Петером очень быстро потушили огонь. Комната твоя, конечно, немного закоптилась, но об этом мы не проронили никому ни слова.

– Почему? – спросил Джек, трудно сглатывая появившийся в горле ком.

– Мне не хотелось бы, чтобы что-то задержало оформление документов на твое усыновление.

Джек бросил на почтальона быстрый взгляд.

– Может быть, ты не хочешь стать Джарвисом? – сказал тот с улыбкой. – Но я бы очень гордился, если бы герой всей округи стал моим сыном.

Джек снова повернулся к стене, хрипло прошептал:

– Я ничего не имею против.

– Прекрасно! – воскликнул господин Джарвис и продолжал, давая Джеку время прийти в себя. –

Мы всегда мечтали о большой семье, и нам было очень больно узнать, что у нас не может быть детей. За эти годы через наш дом прошло много приемных детей, но лишь двух из них мы смогли усыновить.

Эти слова вихрем ворвались в сумятицу чувств и мыслей Джека. С трудом приподнявшись на локтях, Джек спросил ошарашенно:

– Петера и Дженни?

– Совершенно верно! – ответил почтальон с улыбкой.

– Но я всегда считал, я был уверен, что они – ваши собственные дети!

– Конечно, наши собственные! – откликнулся

господин Джарвис. – Они для нас стали дороже и ценнее, чем если бы были подарены нам естественным путем. Когда Петеру было два года, его мать привязала его к детской кроватке и покинула навсегда. Не думаю, что за всю свою короткую жизнь он получал хоть что-нибудь, кроме холодного чая из бутылки и размоченного в воде печенья. Он был легче перышка, когда попал к нам. В это невозможно поверить, каким он стал богатырем. Но, это конечно, плоды маминого кулинарного искусства.

– А Дженни? – прошептал Джек, чей мир вдруг перевернулся с ног на голову.

– Когда она попала к нам, она с головы до ног была покрыта грязью, все ее тело было в синяках и царапинах, так что она походила на ту старую тряпочную куклу, которую с такой охотой грызет Хэппи. Но сейчас Дженни в хороших руках. Слава Богу!

– Почему же никто из них ничего мне об этом не сказал? – пробормотал Джек, в изнеможении опускаясь на мешки.

– Ну, наверное, потому, что сами они не очень-то часто об этом вспоминают. Это ведь и в самом деле не имеет совершенно никакого значения. Сейчас они носят фамилию Джарвис – и точка. Надеюсь, и ты скоро будешь носить эту фамилию! Но не можем же мы всю ночь сидеть здесь и болтать, – закончил он и поднялся. – Пойду вызову скорую помощь. А пока пусть Хэппи составит тебе компанию.

Он ушел, а Джек остался лежать, не шевелясь. Едва дыша от счастья: «Сына никто и никогда не может выгнать из родительского дома!» И тут он вспомнил еще кое-что.

– Да, Бог, Свою часть договора Ты выполнил на все 100, – пробормотал он. – Это ведь Твоих рук дело, что семья Джарвисов не вышвырнула меня за дверь. Спасибо Тебе!

Потом он снова приподнялся на локти и сделал то, что обещал:

– Бог, я очень хочу, чтобы Ты стал моим Отцом. Прости меня, пожалуйста, за все совершенные мною гадости. Спасибо, Иисус, что Ты пришел на землю и за меня, что Ты поможешь мне стать другим. Аминь.

Когда он вновь опустился на мешки, лицо его сияло. «Скоро я тоже стану Джарвисом, но Божьим сыном я уже стал».

Экарт цур Ниден

Защитите мельницу!

---

160 Seiten

DM 4,80

ISBN 3-89397-427-X

С того момента, как дедушка Феллингер отказался продать свою старую мельницу, на ней стали происходить жуткие события.

Злоумышленники отравили его собаку, разбили окна, перерезали телефонный кабель.

В эту отвратительную историю поначалу оказались втянутыми и Увэ с «детективами», но вскоре они приняли решение все вместе защищать дедушку Феллингера и старую мельницу от преступников.

В этой увлекательной истории ярко и выразительно описаны не только ужасные последствия греха, но и освобождение, даруемое прощением.

Для среднего школьного возраста.